

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (37)

2019

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 28.06.2019.

Выход в свет 30.08.2019.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 6,9.

Тираж 50 экз. Заказ 3-419-19.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и уголовного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Юридический институт, Санкт-Петербург, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ НА ОСНОВАНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ А.В. Акопян.....	7
УБИЙСТВО, КРОВНАЯ МЕСТЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОЖЕНИЯМИ САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И.А. Александров.....	12
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПРИ ПОВРЕЖДЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ К.И. Дюк.....	17
КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТИТУЦИЙ ПО ПРИЗНАКУ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО МОДУСА ЛИЧНОСТИ: НОВЫЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ Е.А. Капитонова.....	23
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДАЧИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТАМ ОБЪЕКТОВ ТЕПЛО-, ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ О.О. Липина.....	28
АЛЬТЕРНАТИВА КАК НАУЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ А.В. Моисеев, В.А. Остроухова.....	34
ОТЗЫВ ВЫБОРНОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В.В. Наумкина.....	39
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ П.Н. Ткачук.....	44
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ» И «СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С.В. Юношев, М.Ю. Жирова, В.В. Убасев.....	51
НАШИ АВТОРЫ.....	57

CONTENT

SOME ISSUES OF APPLICATION OF THE INCENTIVE NORMS IN THE BRIBERY CONTROL ON THE BASIS OF THE DRAFT OF NEW CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA A.V. Hakobyan.....	7
MURDER, BLOOD VENGEANCE, AND DEATH PENALTY IN COMPLIANCE WITH THE SALIC LAW REGULATIONS I.A. Aleksandrov.....	12
SOME ISSUES OF DAMAGE COMPENSATION IN THE CASE OF INJURY TO HEALTH AS A RESULT OF A PRODUCTION ACCIDENT K.I. Dyuk.....	17
THE TYPOLOGY OF CONSTITUTIONS ON THE BASIS OF CONSOLIDATION OF PERSONALITY LEGAL MODUS ELEMENTS: A NEW APPROACH TO THE CONTENT ANALYSIS E.A. Kapitonova.....	23
SOME ISSUES OF TRANSFER OF OBJECTS OF HEAT AND WATER SUPPLY AND WATER DISPOSAL TO ECONOMIC ENTITIES O.O. Lipina.....	28
ALTERNATIVE AS A SCIENTIFIC-LEGAL CATEGORY A.V. Moiseev, V.A. Ostroukhova.....	34
THE RECALL OF AN ELECTED OFFICIAL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT V.V. Naumkina.....	39
STATE CONTROL AND SUPERVISION OF ECONOMIC ENTITIES ACTIVITY P.N. Tkachuk.....	44
ON THE QUESTION OF CORRELATION OF THE CONCEPTS “AUTHORITATIVE POWERS” AND “LEGAL RIGHTS” IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE S.V. Yunoshev, M.Yu. Zhirova, V.V. Ubasev.....	51
OUR AUTHORS.....	57

**ОБ ИТОГАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАВОНАРУШЕНИЕ – ОСНОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ»**

14–15 марта 2019 года в Институте права Тольяттинского государственного университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», посвященная 80-летию заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Хачатурова Рудольфа Леоновича.

В конференции приняли участие известные ученые-правоведы из крупнейших российских вузов и представители научных организаций России: Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, МГИМО (У) МИД России, Российской академии адвокатуры и нотариата, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российского государственного гуманитарного университета, Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Юридического института (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Белорусского государственного университета, Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Иркутского государственного университета, Южного федерального государственного университета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самарского государственного экономического университета, Самарского юридического института ФСИН России. Среди участников были ученики юбиляра, ставшие докторами и кандидатами юридических наук, соавторы многочисленных научных и энциклопедических изданий, изданных под редакцией Р.Л. Хачатурова.

Пленарная часть конференции началась с выступления и доклада Р.Л. Хачатурова «Вечность темы юридической ответственности и современные перспективы ее исследований». Основная мысль доклада – неисчерпаемость тематики и дальнейшая разработка категории «юридическая ответственность». Профессор обратил внимание на проблемы ответственности государства и ответственности бизнеса, формирования гражданского общества, ответственности каждого гражданина.

Доктор юридических наук Т.Ю. Амплеева остановилась на аспектах формирования понятия преступления в древнерусском праве. Она показала путь преобразования понятия «преступление», проанализировала влияние различных факторов на данный процесс и поэтапное появление новых видов наказаний.

Ученик Р.Л. Хачатурова – доктор юридических наук Ю.В. Оспенников в докладе на тему «Проблема выявления разновидностей коррупционных правонарушений в московском праве XVI в.» представил результаты анализа жалоб на отказ московских и польских административно-судебных должностных лиц выполнять свои функции

Профессор В.В. Наумкина представила доклад «Отзыв выборного должностного лица местного самоуправления», обратив внимание на то, что отзыв выборного должностного лица можно рассматривать как форму непосредственной реализации местного самоуправления, как вид ответственности и как инструмент оценки деятельности выборного должностного лица. В.В. Наумкина говорила о расширении перечня оснований юридической ответственности должностного лица.

С докладом о нормативно-правовой организации юридической ответственности выступила доктор юридических наук С.И. Вершинина. Рассматривая юридическую ответственность как правовой институт, состоящий из совокупности правовых норм, докладчик обратила внимание на наличие значительного количества противоречий, пробелов и дефектов в общепризнанной концепции нормативной организации права и в первую очередь в определении понятия и структуры нормы права. Доктор юридических наук, профессор Д.А. Липинский озвучил проблему незаконности некоторых альтернативных санкций. Ученый дал рекомендации относительно будущего развития законодательства в направлении применения альтернативных санкций.

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России С.Н. Касаткин выступил с докладом «Судейское рассмотрение и тезис единственного верного ответа: доктрина Р. Дворкина в российском контексте». Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева Ю.Е. Пермяков представил доклад «Подмена оснований юридической ответственности: кадровая политика vs. юридическая техника». Кандидат юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ, доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Тольяттинского государственного университета Р.В. Закомолдин рассмотрел проблемные аспекты специальной противоправности и бланкетности как свойства преступлений, нарушающих специальные правила (на примере статей 340–344 УК РФ).

На конференции также выступили ученые Института права Тольяттинского государственного университета: доктор юридических наук, профессор Н.А. Боброва с докладом о соотношении институтов главы государства и лидера страны; доктор юридических наук, доцент А.А. Гогин с докладом о противодействии терроризму и спорных положениях федерального закона; доктор юридических наук, доцент В.Г. Медведев с докладом «Оскорбление величия».

На конференции поднимались как традиционные для правовой науки вопросы, связанные с проблемами теории и несовершенства законодательства, так и вопросы, только начинающие входить в сферу правового регулирования и круг интересов юриспруденции. К последним относятся доклады кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой «Конституционное

и административное право» Тольяттинского государственного университета Н.В. Олиндер о привлечении к ответственности за незаконный оборот криптовалюты и иных электронных платежных средств; кандидата юридических наук, доцента кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета Н.А. Блохиной о юридической ответственности в информацион-

ном обществе; магистранта Института права Ю.А. Андрияновой «Политико-правовые средства преодоления бюрократизма и коррупции в государственном управлении в условиях развития информационного общества».

Избранные статьи будут опубликованы в научном журнале Тольяттинского государственного университета «Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки».

С.И. Вершинина, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ НОРМ В БОРЬБЕ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ НА ОСНОВАНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

© 2019

А.В. Акопян, аспирант*Российско-Армянский университет, Ереван (Республика Армения)*

Ключевые слова: поощрительные нормы; борьба со взяточничеством; освобождение от уголовной ответственности; проект нового уголовного кодекса РА; УК РА; УК РА от 16.05.2014; часть 4 ст. 312 УК РА.

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы применения поощрительных норм по отношению к взяткодателям в контексте последних законодательных изменений, проблемы законодательного регламентирования поощрительных норм в борьбе со взяточничеством согласно проекту нового Уголовного кодекса Республики Армения.

Уголовно-правовое значение поощрительных норм в борьбе со взяточничеством не было в полной мере изучено в армянском материальном праве. В армянской и зарубежной научной литературе были рассмотрены некоторые вопросы, связанные с темой исследования, но они носят эпизодический характер и не содержат системных решений актуальных проблем. Таким образом, не было проведено системного исследования влияния института поощрения в борьбе со взяточничеством, где принимались бы во внимание армянское законодательство и правоприменительная практика. Следовательно, в условиях развития уголовно-правовых норм, формирования новых правоотношений и правоприменительной практики, развития уголовно-правовой мысли возникает объективная необходимость всестороннего исследования уголовно-правового значения поощрительных норм в борьбе со взяточничеством.

В статье даются научно обоснованные рекомендации по усовершенствованию действующего законодательства, ведомственных нормативных правовых актов и практики применения поощрительных норм в отношении взяткодателя и посредника во взяточничестве. Автором была предпринята попытка подвергнуть комплексному исследованию уголовно-правовые отношения, возникающие при применении поощрительных норм в борьбе со взяточничеством, основываясь на исследовании как действующего Уголовного кодекса Республики Армения, так и проекта нового уголовного кодекса Республики Армения, сравнительно-правового исследования уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, а также теоретических взглядов по данному вопросу.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования армянских историков являются ярчайшим свидетельством того, что взяточничество как проявление коррупции было распространенным явлением на различных исторических этапах становления армянской государственности [1]. В Армении с древних времен существует четкое представление о взяточничестве, но каких-либо поощрительных норм в борьбе со взяточничеством армянское законодательство не содержало. С течением времени, развитием общественных отношений взяточничество проявлялось в новых формах, что оказало разрушительное воздействие на демократизацию и развитие армянской государственности. Данное обстоятельство послужило причиной того, что коррупция, и в частности взяточничество, была официально признана чрезвычайно серьезным препятствием для развития армянской государственности. Ввиду того, что уровень латентности взяточничества достигает наивысших показателей, о чем свидетельствуют работы большинства ученых-правоведов Республики Армения [2–4], в целях наиболее эффективной борьбы со взяточничеством армянский законодатель предусмотрел поощрительные нормы, устанавливающие возможность освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности, трактуются в научной литературе по-разному. Ряд авторов считает, что данные нормы являются своего рода «наградами» [5; 6]. На основании данного подхода была сформирована концепция поощрительных норм уголовного права [7]. Некоторые авторы относят нормы об освобождении от уголовной ответственности к ком-

промиссным нормам [8]. По мнению других, компромисс выражается во взаимных уступках сторон охранительного уголовного правоотношения, где государство полностью или частично отказывается от использования своей принудительной силы, а лицо, совершившее преступление, совершает общественно полезные действия, направленные на устранение конфликта в обществе [9]. В данном случае компромисс выступает в виде сделки между государством и преступником [10].

Вышеуказанные позиции исследователей позволяют нам сделать следующий вывод: если говорить о конкретном преступлении и о личности виновного, то данная норма будет направлена на стимулирование и поощрение социально одобряемых форм и видов поведения, а если выбрать объектом регулирования преступность в целом, то необходимо говорить о компромиссе в борьбе с ней [11].

Цель исследования – выявление и разрешение проблем, связанных с применением поощрительных норм в борьбе со взяточничеством согласно проекту нового уголовного кодекса РА, а также разработка предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование уголовного законодательства в данной сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Уголовном кодексе Республики Армения предусмотрена одна поощрительная норма, устанавливающая возможность освобождения взяткодателя от уголовной ответственности (часть 4 ст. 312 УК РА). Законом от 16 мая 2014 года «О внесении изменений в уголовный кодекс РА» данная поощрительная норма подверглась изменению. Так, до принятия вышеуказанного

закона содержание поощрительной нормы было таковым: «Взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки, либо если данное лицо не позднее трех дней после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки в правоохранительные органы». Действующая норма имеет следующее содержание: «Взяткодатель освобождается от уголовной ответственности лишь в том случае, если имело место вымогательство взятки и это лицо, до того, как об этом стало известно правоохранительным органам, но не позднее трех дней после совершения преступления, добровольно сообщило в правоохранительные органы о факте дачи взятки и содействовало раскрытию преступления» (часть 4 ст. 312 УК РА).

Таким образом, освобождение взяткодателя от уголовной ответственности может быть осуществлено исключительно при наличии всех нижеперечисленных обстоятельств: 1) взяткодатель стал жертвой вымогательства; 2) взяткодатель добровольно сообщил о преступлении правоохранительным органам; 3) добровольное сообщение было сделано не позднее трех дней после совершения преступления; 4) правоохранительным органам не было известно о совершенном преступлении; 5) взяткодатель содействовал раскрытию преступления.

И даже при наличии того факта, что имело место вымогательство взятки, правоохранительные органы не правомочны освобождать взяткодателя от уголовной ответственности, если ими не будут подробно изучены все фактические обстоятельства совершения преступления. Законодатель объясняет это тем, что сам взяткодатель может создать условия или как-то спровоцировать вымогательство взятки, будучи убежденным в неприменном освобождении его от уголовной ответственности, так как имело место вымогательство взятки [12].

В соответствии с официальной статистикой по результатам выявления и расследования коррупционных преступлений, взяточничество распространяется всё в больших масштабах, а законодательные нововведения не приводят к положительным результатам. Согласно исследованию международной организации «Transparency International», в 2018 году индекс восприятия коррупции в Республике Армения составил 35 баллов из 100 возможных, и страна являлась одной из наиболее коррумпированных, так как занимала 105-е место из 180 стран мира [13].

Нами было проведено социологическое исследование в целях выяснения, в каком случае лицо, давшее взятку (опрашиваемый), сообщило бы об этом правоохранительным органам. В опросе принимали участие представители различных возрастных групп с разным социальным статусом. 65 % опрошенных отметили, что сообщили бы о совершенном преступлении в случае применения нормы, действующей до 2014 года, то есть когда законодателем было установлено два самостоятельных основания освобождения взяткодателя от уголовной ответственности. Остальные 35 % опрошенных указали, что не сообщили бы о совершенном преступлении вообще.

В проекте нового уголовного кодекса РА указанная поощрительная норма подверглась значительным изменениям. Так, согласно части 4 ст. 406 проекта нового уголовного кодекса РА («Дача взятки»), взяткодатель

может быть освобожден от уголовной ответственности, если: 1) он добровольно сообщил о преступлении органам, осуществляющим уголовное преследование, либо суду; 2) добровольное сообщение было сделано не позднее трех дней после совершения преступления; 3) правоохранительным органам не было известно о совершенном преступлении; 4) лицо содействовало раскрытию преступления. Анализ указанной поощрительной нормы позволяет выделить следующие различия между данной нормой и нормой, установленной в действующем законодательстве.

Во-первых, отсутствует такое условие освобождения взяткодателя от уголовной ответственности, как вымогательство взятки. То есть армянский законодатель фактически воспроизвел норму, действующую до внесения изменений в УК РА от 16.05.2014, где было установлено два самостоятельных основания освобождения взяткодателя от уголовной ответственности – добровольное заявление о даче взятки и вымогательство взятки. Считаем, что данное изменение обусловлено тем, что после внесения изменений в УК РА от 16.05.2014, где оба основания были объединены в одно, данная поощрительная норма приобрела статус «мертвой» нормы, так как фактически не применялась правоохранительными органами ввиду отсутствия какого-либо из вышеперечисленных условий.

Во-вторых, законодатель расширил круг органов, которым может быть сообщено о совершенном преступлении, установив, что взяткодатель может обратиться с добровольным сообщением также в суд.

В-третьих, поощрительная норма, установленная в действующем законодательстве, носит императивный характер. При наличии всех условий, установленных в поощрительной норме, освобождение от уголовной ответственности взяткодателя носит обязательный характер. Уклонение правоохранительных органов от обязанности освободить взяткодателя от уголовной ответственности влечет за собой привлечение лица, уклонившегося от этой обязанности, к уголовной ответственности.

В отличие от действующей императивной поощрительной нормы, поощрительная норма, содержащаяся в проекте нового УК РА, носит диспозитивный характер. Согласно указанной норме, применение поощрения является прерогативой органов, осуществляющих уголовное преследование, либо суда, которые могут освободить или не освободить лицо, добровольно заявившее о даче взятки.

В научной литературе дискуссионным является вопрос о самостоятельности поощрительных норм. Одни авторы отождествляют поощрительные нормы и императивные нормы, другие – поощрительные и диспозитивные. Так, некоторые авторы указывают, что императивные нормы содержат строгие категорические предписания, не допускающие каких-либо отступлений от установлений закона [14]. Другие отмечают, что поощрительные нормы по методу правового регулирования представляют собой обычные веления императивного характера [15]. Следует отметить, что поощрительные нормы по сравнению с императивными выполняют различные по содержанию функции. Как нам представляется, если это и не позволяет ставить вопрос об их самостоятельности, то ярко демонстрирует их отличительную

особенность [16]. Поощрительные уголовно-правовые нормы, в отличие от императивных предписаний, не только не принуждают к выбору социального поведения, а напротив, поощряют (одобряют и стимулируют) будущее правомерное поведение [16]. Учитывая специфику корыстных преступлений, в частности взяточничества, а также латентный характер данной категории преступлений, считаем, что поощрительные нормы в борьбе со взяточничеством должны носить императивный, обязывающий характер по отношению к правоприменителю, в обратном случае указанные нормы не будут служить своему основному предназначению – повышению раскрываемости данной категории латентных преступлений.

Считаем необходимым также подчеркнуть положительные нововведения в проекте нового уголовного кодекса РА, касающиеся посредничества во взяточничестве. Впервые в уголовно-правовом законодательстве Республики Армения законодатель предусмотрел возможность внедрения поощрительной нормы, освобождающей от уголовной ответственности посредника во взяточничестве. Поощрительная норма может быть применена к лицу, добровольно заявившему о совершенном посредничестве во взяточничестве органам, осуществляющим уголовное преследование, которым не было известно о преступлении, либо суду, в течение трех дней после совершения преступления и содействовавшему раскрытию преступления.

Несмотря на то, что указанная норма также является управомочивающей, а не обязывающей, в развитии института поощрительных норм в борьбе со взяточничеством в УК РА наблюдается положительный сдвиг. Ученые-правоведы неоднократно поднимали вопрос о включении в Уголовный кодекс РА поощрительной нормы, освобождающей посредника во взяточничестве от уголовной ответственности. Данная поощрительная норма установлена в уголовных кодексах таких зарубежных стран, как Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан, Эстония, Латвия и др.

До внесения изменений в УК РА армянский законодатель исходил из того, что норма об освобождении взяткодателя от уголовной ответственности является поощрительной, и, несмотря на поведение взяткодателя после его добровольного сообщения о даче взятки или вымогательстве взятки, он подлежит освобождению от уголовной ответственности [17].

Учитывая то обстоятельство, что более половины данной категории преступлений раскрывались на основании добровольного сообщения о даче взятки, действующая трактовка оснований освобождения взяткодателя от уголовной ответственности создает дополнительные препятствия для эффективного применения поощрительной нормы. Основной причиной внесения изменений в поощрительную норму, установленную в части 4 ст. 312 УК РА, послужили рекомендации Группы государств по борьбе с коррупцией (GRECO) после третьего этапа оценки антикоррупционного законодательства Республики Армения [18; 19]. Так, согласно рекомендациям по криминализации, GRECO отметила, что во избежание злоупотреблений со стороны правоприменителя необходимо пересмотреть норму, освобождающую взяткодателя от уголовной ответст-

венности, и обозначить конкретные условия освобождения взяткодателя [20]. После внесения изменений в УК РА от 16.05.2014 GRECO положительно оценила изменения уголовного законодательства и в отчете относительно выполнения обязанностей Республики Армения по третьему этапу оценивания установила, что Армения в полной мере выполнила рекомендации по криминализации. Несмотря на положительный отзыв GRECO, армянский законодатель в проекте нового УК РА устанавливает управомочивающую поощрительную норму об освобождении взяткодателя и посредника во взяточничестве от уголовной ответственности.

ВЫВОДЫ

Норма об освобождении взяткодателя от уголовной ответственности является поощрительной и не должна создавать каких-либо препятствий для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.

Нововведения в армянском законодательстве создают почву для злоупотреблений должностными полномочиями со стороны правоприменителя, неимоверно увеличивая вероятность коррупционных рисков. Считаем, что поощрительные нормы в борьбе со взяточничеством должны носить императивный, обязывающий характер по отношению к правоприменителю во избежание должностных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. В обратном случае указанные нормы не будут служить своему основному предназначению – повышению раскрываемости данной категории латентных преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Товмасын А.Т. Древнее и средневековое армянское уголовное право. Ереван: АН Арм. ССР, 1977. 596 с.
2. Sargsyan G. The Problems of Bribery Response. School of the Prosecutor's Office SNCO. 2016. 205 p.
3. Цагикян С.Ш. Взятничество как проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 220–223.
4. Цагикян С.Ш. Противодействие коррупции в Армении. СПб.: Антарес, 2006. 296 с.
5. Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1992. 80 с.
6. Елеонский В.А. Поощрительные нормы и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск: Хабар. ВШ МВД СССР, 1984. 108 с.
7. Наумов В.В. Деятельное раскаяние // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 2. С. 54–57.
8. Аликперов Х.Д. Допустим ли компромисс в борьбе с преступностью? // Уголовное право. 2001. № 3. С. 91–93.
9. Шатихина Н.С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3. С. 89–98.
10. Шатихина Н.С. Медиация как новый институт российского уголовного права: понятие и содержание // Уголовное право. 2016. № 7. С. 215–220.
11. Акопян А.В., Цагикян С.Ш. Некоторые проблемы применения поощрительных норм относительно

- субъекта получения взятки // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 32–37.
12. Закон РА «О внесении изменений в уголовный кодекс РА» от 16 мая 2014 года.
URL: parliament.am/drafts.php?sel=showdraft&DraftID=6716&Reading=0.
 13. Corruption Perception Index 2018: Transparency International Report. CC BY-ND 4.0. Berlin: Transparency International, 2019. 16 p.
 14. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М.: Юрид. лит. 1982. 360 с.
 15. Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братуся, Н.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1966. 490 с.
 16. Касенова А.М. Понятие поощрительных уголовно-правовых норм // Вестник Карагандинского Университета. Серия: История. Философия. Право. 2005. № 2. С. 140–145.
 17. Акопян А.В. Исторический анализ становления и развития поощрительных норм уголовного законодательства в борьбе со взяточничеством // Актуальные проблемы права: материалы V Международной научной конференции. М.: Буки-Веди, 2016. С. 129–132.
 18. Акопян А.В., Цагикян С.Ш. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности за взяточничество в связи с добровольным сообщением (в свете последних изменений уголовного законодательства РА) // Десятая юбилейная годовичная научная конференция: сборник научных статей. Ч. 1. Ереван: РАУ, 2016. С. 53–63.
 19. Цагикян С.Ш. Некоторые проблемы правоприменительной практики в контексте реализации международных обязательств // Вектор науки Тольяттинский государственный университет. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 46–48.
 20. Incriminations (ETS 173 and 191, GPC 2): second Compliance Report on Armenia: Adopted by GRECO at its 66th Plenary Meeting (Strasbourg, 8–12 December 2014). Strasbourg: Greco Secretariat, 2014. 7 p.
- REFERENCES**
1. Tovmasyan A.T. *Drevnee i srednevekovoe armyanskoe ugodovnoe pravo* [Ancient and medieval Armenian criminal law]. Erevan, AN Arm. SSR Publ., 1977. 596 p.
 2. Sargsyan G. *The Problems of Bribery Response. School of the Prosecutor's Office SNCO*. 2016. 205 p.
 3. Tsagikyan S.Sh. The problem of corruption. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2010, no. 3, pp. 220–223.
 4. Tsagikyan S.Sh. *Protivodeystvie korruptsii v Armenii* [Fight against corruption in Armenia]. Sankt Petersburg, Antares Publ., 2006. 296 p.
 5. Golik Yu.V. *Ugodovno-pravovoe stimulirovanie pozitivnogo povedeniya: voprosy teorii* [Criminal-judicial stimulation of positive behavior: issues of theory]. Novosibirsk, Novosib. un-t Publ., 1992. 80 p.
 6. Eleonskiy V.A. *Pooshchritelnye normy i ikh znachenie v deyatelnosti organov vnutrennikh del* [Incentive norms and their significance in the activity of law enforcement agencies]. Khabarovsk, Khabar. VSh MVD SSSR Publ., 1984. 108 p.
 7. Naumov V.V. Effective regret. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2008, no. 2, pp. 54–57.
 8. Alikperov Kh.D. If we will concede a compromise in crime prevention? *Ugodovnoe pravo*, 2001, no. 3, pp. 91–93.
 9. Shatikhina N.S. On Criminal-Law Nature of a Compromise. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 2003, no. 3, pp. 89–98.
 10. Shatikhina N.S. Mediation as a new institution of Russian criminal law: notion and content. *Ugodovnoe pravo*, 2016, no. 7, pp. 215–220.
 11. Hakobyan A.V., Tsagikyan S.Sh. Some problems of application of promising norms regarding the subject of obtaining the broken. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2018, no. 1, pp. 32–37.
 12. RA Law “On Amendments to the Criminal Code of the Republic of Armenia” dated May 16, 2014.
URL: parliament.am/drafts.php?sel=showdraft&DraftID=6716&Reading=0.
 13. Corruption Perception Index 2018: Transparency International Report. CC BY-ND 4.0. Berlin: Transparency International, 2019. 16 p.
 14. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1982. Vol. II, 360 p.
 15. Bratus S.N., Samoshchenko N.S., eds. *Obshchaya teoriya sovetskogo prava* [General theory of Soviet law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1966. 490 p.
 16. Kasenova A.M. The concept of incentive criminal law norms. *Vestnik Karagandinskogo Universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya. Pravo*, 2005, no. 2, pp. 140–145.
 17. Hakobyan A.V. Historical analysis of formation and development of incentive norms of criminal legislation in bribery control. *Aktualnye problemy prava: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2016, pp. 129–132.
 18. Hakobyan A.V., Tsagikyan S.Sh. Topical issues of relief from criminal responsibility for bribery on grounds of willful communication (in view of last amendments of criminal legislation of the RA). *Desyataya yubileynaya godichnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik nauchnykh statey*. Erevan: RAU Publ., 2016. Ch. 1, pp. 53–63.
 19. Tsagikyan S.Sh. Problems in law-enforcement practices in the context of fulfillment of international obligations. *Vektor nauki Tolyattinskiy gosudarstvennyy universitet. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2013, no. 1, pp. 46–48.
 20. Incriminations (ETS 173 and 191, GPC 2): second Compliance Report on Armenia: Adopted by GRECO at its 66th Plenary Meeting (Strasbourg, 8–12 December 2014). Strasbourg: Greco Secretariat, 2014. 7 p.

**SOME ISSUES OF APPLICATION OF THE INCENTIVE NORMS IN THE BRIBERY CONTROL
ON THE BASIS OF THE DRAFT OF NEW CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

© 2019

A.V. Hakobyan, postgraduate student
Russian-Armenian University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: incentive norms; bribery control; relief from criminal responsibility; draft of new criminal code of the RA; CC of the RA; CC of the RA dated the 16.05.2014; part 4 of article 312 of the CC of the RA.

Abstract: The paper considers the main problems of application of incentive norms in relation to a briber in the context of latest legislative changes, the problems of legislative regulation of incentive norms in bribery control according to the draft of a new Criminal Code of the Republic of Armenia.

Criminal-legal significance of incentive norms in bribery control has not been fully studied in Armenian law of substance. Armenian and foreign scientific literature studied some issues related to the topic of the research but they have sporadic character and do not contain system solutions for current issues. Thus, no systematic study was conducted on the influence of the incentive norms institute in bribery control which would take into account Armenian legislation and law enforcement practice. Consequently, in the conditions of criminal law development, new legal relations and law enforcement practices formation, and criminal law science development, the objective demand for a comprehensive study of the criminal-legal significance of the incentive norms in bribery control arises.

The paper provides the scientifically-based recommendations on the improvement of current legislation, official regulatory legal acts and the practice of applying the incentive norms in relation to a briber and a bribery mediator. Based on the study of both the current Criminal Code of the Republic of Armenia and the draft of a new Criminal Code of the Republic of Armenia, comparative-legal research of criminal legislation of some foreign countries, as well as the theoretical views on this issue, the author attempted to carry out the comprehensive study of criminal law relations arising when applying the incentive rules in bribery control.

УБИЙСТВО, КРОВНАЯ МЕСТЬ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОЖЕНИЯМИ САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

© 2019

И.А. Александров, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: смертная казнь; убийство; кровная месть; противоправное причинение смерти; Салическая правда.

Аннотация: В статье анализируются вопросы, касающиеся смертной казни, кровной мести и противоправного причинения смерти. Данные категории рассматриваются применительно к положениям Салической правды, составленной в правление франкского короля Хлодвига в конце V – начале VI в. Актуальность исследования обуславливается неоднозначностью роли категории «смерть» в юриспруденции и целесообразностью разграничения терминов «смертная казнь» и «убийство». В этой связи небезынтересным представляется изучение соотношения данных понятий в рамках вышеназванного раннефеодального памятника права. В статье дается характеристика представлений древних германцев о кровной мести за убийство. Рассматривается совокупность положений Салической правды о выплате вергельда, иными словами композиции, включающей в себя материальную компенсацию, искупление вреда. Определенное внимание уделяется титулу LVIII Салической правды, который именуется «О горсти земли», и точкам зрения по поводу трактовки его положений. Также рассматривается перечень преступлений, за совершение которых Салической правдой предписывалось в качестве наказания применение смертной казни. Указывается целесообразность сопоставления соответствующих положений Салической правды с другими правовыми памятниками рассматриваемого периода, содержащими упоминания ряда иных противоправных деяний, каравшихся смертью. В частности, речь идет об эдикте остготского короля Теодориха (V в.). В заключение делается вывод, что в Салической правде обычай кровной мести за убийство заменяется системой так называемых вергельдов, в различных размерах которых нашли проявление социальные различия между теми или иными слоями населения.

ВВЕДЕНИЕ

Говоря об актуальности выбранной темы, следует отметить, что значение понятия «смерть» в юриспруденции весьма многообразно. Так, в рамках уголовного права, с одной стороны, идет речь о противоправном причинении смерти другому лицу (убийство, причинение смерти по неосторожности), а с другой – о правомерном деянии, связанном в том числе с институтами кровной мести (при условии, что она санкционирована действующими источниками права) и смертной казни. Если рассматривать данный вопрос в более широком смысле, то при соблюдении определенных условий в качестве правомерного деяния можно расценивать причинение смерти неприятелю в ходе военных действий, причинение смерти особо опасному преступнику при невозможности его задержания, причинение смерти в состоянии необходимой обороны, аборт (в зависимости от того, что считать моментом начала жизни). Также в ряде обществ на некоторых этапах исторического развития в качестве вполне законных рассматривались человеческие жертвоприношения, дуэли и подобные деяния. Отдельно следует сказать о смерти в результате несчастного случая, собственно естественной смерти (в силу каких-либо причин), которые сами по себе вряд ли могут быть названы правомерными или противоправными [1].

Еще Дж. Локк говорил о разграничении терминов «смертная казнь» и «убийство» и некорректности их смешивания. Термин «убийство» несет в себе негативную оценку соответствующего действия, в то время как в случае смертной казни речь идет о лишении жизни преступника в соответствии с требованиями юридических норм [2; 3].

Цель работы – выявление особенностей категорий «убийство», «кровная месть» и «смертная казнь» применительно к такому памятнику права, как Салическая правда.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривая институты кровной мести и смертной казни применительно к раннефеодальному праву Западной Европы, нельзя не коснуться содержания так называемых «варварских правд», или *Leges Barbarorum* (включавших в себя многообразные правовые обычаи, устоявшиеся образцы судебных решений), которые, как отмечает Н.А. Крашенинникова, дают наиболее полное представление о характере правовых норм указанного периода [4; 5]. Особый интерес представляет одна из самых древних из них – Салическая правда (*Lex Salica*), составленная в правление франкского короля Хлодвига в конце V – начале VI в. [6–8].

Что касается вопросов кровной мести за убийство, то здесь целесообразно сказать несколько слов о соответствующих представлениях древних германцев. Не вполне ясен вопрос о разграничении в Салической и других «варварских правдах» умысла и неосторожности. Конечно, в этих памятниках права отсутствуют какие-либо четкие формулировки общих положений, которые относились бы ко всем правонарушениям. Вероятно, отчасти на этой основе может складываться мнение, что преступлением у древних германцев (в том числе франков) считался только всякий внешний очевидный вред; «причем не обращали ни малейшего внимания на волю и нравственную вину причинившего вред» [9]. Согласно другой точке зрения, по результатам анализа ряда конкретных норм можно сделать вывод,

что в «варварских правдах» существовало понимание форм вины: так, при «небрежном» причинении свободным вреда животному другого человека (если виновник сознается в содеянном) по Салической правде следовало простое возмещение ущерба его хозяину [4]. В этой связи следует констатировать, что употребляемый в переводе Салической правды (и, соответственно, нами в данной работе) термин «убийство» в некоторых случаях несколько отличается от его интерпретации в современном уголовном праве, когда под убийством понимается исключительно умышленное причинение смерти.

Как и всякое другое злодеяние, убийство влекло за собой возмездие не со стороны государства, а со стороны потерпевшего. Но так как последний в данном случае не мог за себя мстить, то это обязаны были сделать его родичи. При этом месть имела двойной смысл и для всего общества, и для близких потерпевшего. Общество она охраняла, так как осознание возможности подвергнуться мести должно было в определенной мере сдерживать тех или иных лиц от совершения преступления. Для близких потерпевшего она была удовлетворением чувства справедливости, так как таким образом восстанавливалось нарушенное убийством равновесие между родами. Совершавший убийство не только отнимал жизнь у своей жертвы, но и всему роду убитого наносил существенный материальный ущерб, лишая этот род воина-защитника, работника, разделявшего труд родичей на общей родовой земле, и т. д. Нарушенное равновесие восстанавливалось, когда род, который понес потерю, умертвлял убийцу, и таким образом род убийцы нес такую же потерю воина и работника, как и род убитого. Эта «частная кровавая расправа» с течением времени, по мере смягчения нравов, заменяется другой, менее грубой формой удовлетворения чувства справедливости и материального ущерба – местью замещается выкупом. Род убийцы входил в соглашение с родом убитого и за определенный платеж выкупал у него жизнь убийцы. Таким образом, материальный вред, нанесенный роду убитого потерей одного из его членов, устранялся материальным вознаграждением со стороны рода убийцы. Соответственно, данная уплата вознаграждения за жизнь убитого практиковалась в эпоху «варварских правд» [10].

В первую очередь следует отметить совокупность положений Салической правды о выплате виры или вергельда, т. е. композиции, включающей в себя материальную компенсацию, искупление вреда, штраф [11; 12], размер и иные особенности которого варьировались в зависимости от социального положения убийцы и убитого, пола и возраста последнего, а также от способа убийства, сокрытия следов преступления и т. д. (в работе мы использовали перевод Салической правды, осуществленный Н.П. Грацианским, под редакцией В.Ф. Семенова [13, с. 395–439]).

За убийство свободного франка по Салической правде (XV, 1; XLI, 1) полагалась выплата вергельда, равного 200 солидам (сол.), т. е. римским золотым монетам весом около 5 г, чеканившимся со времен императора Константина (IV в.) и воспринятым франками так же, как и серебряный римский денарий (ден.), составлявший 1/40 часть солида [14]. При определенных условиях сумма вергельда за причинение смерти сво-

бодному франку, не находившемуся на королевской службе, увеличивалась до 600 сол.:

1) если виновник бросил труп в колодец или в воду, покрыл его ветвями или чем-либо другим (XLI, 2);

2) если свободный человек умер в колодце, куда был брошен виновником (XLI, 9, приб. 4-е);

3) если было совершено «человекоубийство скопищем» в доме убитого (XLI, 1);

4) если убитый находился в походе (LXIII, 2).

Также увеличенный вергельд по Салической правде полагался за убийство свободной женщины. Его конкретная сумма связывалась, в частности, со способностью женщин к деторождению. Вергельд за убийство свободной девушки составлял 300 сол. (XXIV, 5, приб. 4-е). За убийство свободной женщины после того, как у нее появлялись дети, полагалось выплатить 600 сол. (XXIV, 6), а за убийство свободной женщины после того, как она уже не может более иметь детей, – 200 сол. (XXIV, 7). Если от побоев умирала свободная беременная женщина, вергельд составлял 700 сол. (XXIV, 3). Следует отметить, что еще в двух параграфах (XXIV, 2, приб. 1-е; XLI, 3) содержится более общая норма, согласно которой вергельд в сумме 600 сол. назначался за убийство свободной женщины (без каких-либо уточнений).

Что касается убийства детей, то Салическая правда предписывает: «если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно и будет уличен, присуждается к уплате 24 000 ден., что составляет 600 сол.» (XXIV, 1). Кроме того, убийство «длинноволосового мальчика» (вероятно, подразумевалась принадлежность к знатному роду) также влекло выплату вергельда в 600 сол. (XXIV, 2). Выплата вергельда в размере 100 сол. полагалась в случае, если «кто лишит жизни ребенка в утробе матери раньше, чем он получит имя» [13; 15, с. 213].

Значительно меньше, по сравнению со свободными франками, ценилась жизнь представителей ряда социальных групп. За жизнь раба Салическая правда предписывала уплатить 35 сол. (X, 2, приб. 1-е). В 30 сол. (также взамен родовой мести платился штраф в 45 сол.; «все же 75 сол.») оценивалась жизнь дворцового слуги, а также кузнеца, золотых дел мастера, свинопаса, виноградаря, конюха. За убийство римлянина – тяглового человека полагалось выплатить 63 сол. (XLI, 7), за убийство римлянина – землевладельца, не являвшегося королевским сотрапезником, – 100 сол. (XLI, 6). Только убийство римлянина – королевского сотрапезника предполагало уплату вергельда в 300 сол. (XLI, 5) [13; 16]. Особо оговаривались следующие ситуации:

1) если раб убивал раба («господа пусть разделят между собой убийцу» (XXXV, 1)). Если же чужой раб или лит (по одной из точек зрения литы являлись потомками завоеванного кельтского населения [14]) лишал жизни свободного человека, преступник отдавался родственникам убитого в качестве половины вергельда, а его господин уплачивал вторую половину (XXXV, 5);

2) если чужая рабыня умирала вследствие насилия, причиненного рабом. Виновник должен был уплатить господину рабыни 6 сол. или же его кастрировали, а господин раба возмещал стоимость рабыни (XXV, 7);

3) «человекоубийство скопищем» раба, полусвободного лита или римлянина «уплачивается в половине» (см. выше: убийство скопищем свободного франка) (XLI, 4)).

За убийство же свободных лиц, состоящих на королевской службе, в том числе графа, сацебарона (XLI, 3; LIV, 1 и 3), платился утроенный вергельд, равный, как уже говорилось, 600 сол. (вергельд за убийство сацебарона или вице-графа – королевского раба составлял 300 сол. (LIV, 2)) [13; 17]. Вергельд за подобное деяние увеличивался до 1 800 сол., если: 1) преступник бросал тело в воду, в колодец или «чем-нибудь» прикрывал (XLI, 4). Судя по всему, эта норма касалась и аналогичных действий, совершенных с трупом свободной женщины [10]; 2) «человекоубийство скопищем» произошло в доме убитого (XLII, 1); 3) состоявший на королевской службе убитый человек находился в походе (LXIII, 2).

Значительный вергельд назначался и за убийство представителей духовенства: 300 сол. за убийство диакона (LV, 4, приб. 6-е); 600 сол. за убийство священника (LV, 4, приб. 5-е); 900 сол. за убийство епископа (LV, 4, приб. 7-е).

Наконец, отдельно рассматривались вопросы ответственности за такие правонарушения, как:

1) если кто-нибудь давал другому выпить отвар трав с целью умертвить его, то он присуждался к уплате 200 сол. (XIX, 1);

2) если кто-нибудь был убит каким-либо домашним четвероногим животным, его хозяин должен был уплатить половину вергельда, а само животное шло в возмещение второй половины (XXXVI, 1) [13; 18];

3) «если кто найдет на перекрестке дорог человека без рук и без ног, брошенного там его врагами, и добьет его, присуждается к уплате 100 сол.» (XLI, 8). Отмечается, что «безрукий и безногий человек», неспособный ни к труду, ни к войне, был менее ценен для своего рода, чем здоровый. Враги, которые отрубили ему руки и ноги, отняли у него уже половину жизни, добивший же его отнял только остальную; в связи с этим и вергельд здесь половинный [10].

Рассматривая подобную систему композиций (вергельдов) у германских племен в целом, один из дореволюционных исследователей А.Ф. Кистяковский указывал, что композиции имеют более позднее происхождение, чем месть. Возможность их применения, по его мнению, связана с возникновением «некоторой гражданственности», когда человек уже владел вещами, которые он мог бы отдать в качестве вознаграждения, а также когда появилась хотя бы слабая «общая власть». С появлением и усилением этой власти связывается ограничение мести (прежде всего за «ненамеренные и случайные происшествия») [9, с. 83].

Таким образом, в Салической правде обычай кровной мести и иные проявления принципа талиона заменяются рассмотренной выше системой композиций в пользу сыновей и других родственников потерпевшего или в пользу государства. В этом контексте интересен титул LVIII Салической правды, именуемый «О горсти земли», который касается следующего случая: «Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следующее по закону, он должен представить 12 соприсяжников... Если же никто не поручится в уплате виры, т. е. в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью (курсив наш. – И.А.)».

Последний фрагмент по-разному трактуется исследователями (по крайней мере, ими используются нерав-

нозначные понятия): одни видят в подобных нормах указание на остатки обычая кровной мести [9], другие говорят о смертной казни [13]; согласно третьей точке зрения, в приведенном параграфе речь идет о кровной мести или наказании через суд [11]. Кроме того, отмечается, что данная норма касается только неуплаты свободным человеком вергельда за убийство другого свободного человека [11; 13].

Помимо этого несколько неоднозначного положения в Салической правде упоминаются три преступления, за которые прямо предписывалось применение смертной казни в качестве наказания, в том числе к свободным лицам:

1) если кто-нибудь сжигал чужой дом и потерпевший не имел места, куда поместить спасенные от огня вещи, и если виновник был вызван на суд и не явился без уважительной причины (болезнь, королевская служба, смерть кого-либо из близких), он подлежал смертной казни или присуждался к уплате 200 сол. (XVI, 1, приб. 1-е);

2) если граф, не будучи задержанным уважительной причиной либо королевской службой, «ни сам не пойдет» (взыскивать долг), «ни пошлет заместителя, который бы потребовал справедливости и правосудия, он должен быть лишен жизни или выкупить себя за столько, сколько следует» (L, 4);

3) если граф, приглашенный по упомянутому выше делу, «осмелится взять что-нибудь сверх законного и справедливого долга, пусть или выкупится, или заплатит жизнью» (LI, 2).

Дополнительно можно упомянуть параграф 8, приб. 9-е (титул XLI), согласно которому если кто-нибудь напрасно обвинял свободного человека в каком-либо преступлении и за это обвиненный был предан смертной казни, то [клеветник] присуждался к уплате 300 сол.

По мнению исследователей, в основном смертная казнь в соответствии с предписаниями Салической правды применялась в качестве наказания рабов. Также отмечается, что за совершение правонарушения литу, как правило, полагалось такое же наказание, как и рабу [4]. Например, королевский раб или лит, похитившие свободную женщину, приговаривались к смерти (XIII, 7). Также рабы приговаривались к смерти за совершенные кражи со взломом или подделку ключей (XL, 5). По Капитулярию I к Салической правде раб, женившийся на свободной женщине, подвергался колесованию. Женщина, вступившая в брак с рабом, объявлялась вне закона, ее имущество поступало в казну, а родственники могли безнаказанно убить ее.

Как уже говорилось, Салическая правда формировалась на основе обычного права, что оказало влияние на такие ее особенности, как неполнота, фрагментарность, бессистемность. «Зафиксировать все многообразие обычаев было невозможно, особенно если учесть, что записывались они в форме конкретных юридических казусов, взятых непосредственно из жизни» [4, с. 414]. Поэтому рассмотренный перечень правонарушений, в качестве наказания за которые применялась смертная казнь, вряд ли являлся исчерпывающим. Своеобразным подтверждением этому выступают другие правовые памятники соответствующего периода, содержащие указания на ряд иных противоправных деяний, караемых смертью. К примеру, ст. XVII эдикта (свода законов)

остготского короля Теодориха (V в.) предписывала приговаривать похитителя свободной женщины или девушки с его сообщниками (социальное положение (нахождение в рабстве и т. п.) преступников не уточняется) к смертной казни [13]. Этот же эдикт предусматривал, что соблазнитель свободной девушки, обладавший богатством и принадлежавший к знатному роду, был обязан взять ее в жены. Если же соблазнитель не обладал богатством или знатностью, то он «как осквернитель чести свободной девушки» подлежал смертной казни.

В литературе, посвященной данному вопросу, отмечается, что значительные заимствования из римского права в эдикте Теодориха выразились, в частности, в возрождении римско-имперской нормы об «оскорблении величества», предусматривавшей смертную казнь через сожжение, о «подстрекательстве к мятежу в народе и войске», также влекущим смертную казнь через сожжение [4].

Что же касается Салической и других «варварских правд», то они в целом «не восприняли норм позднеримского уголовного права с их широким применением смертной казни, что было связано с иными, чем у римлян, целями и задачами наказания. Главная цель композиции, штрафа у германцев – предотвращение прямых боевых действий, кровной мести, дальнейшей междоусобицы, вражды между дворами, кланами, родами и пр., возникающей вследствие "нарушения чести"» [4, с. 426].

В дальнейшем в процессе развития западноевропейского феодального права наказание, главной задачей которого становится возмездие и устрашение, все более ужесточалось. Широкое распространение получила смертная казнь, в том числе в квалифицированном виде (четвертование, сожжение и т. п.), и телесные наказания (битье палками, отсечение или вырывание языка и др.). Повсеместно стали жестоко наказывать за религиозные преступления [19–21].

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить: в Салической правде обычай кровной мести за убийство заменяется системой вергельдов, в различных размерах которых нашли проявление социальные различия между теми или иными слоями населения (в том числе свободного). Согласно одной из точек зрения, остатки обычая кровной мести проявились в титуле Салической правды, называемом «О горсти земли». Согласно другому мнению, в этом случае следует говорить уже о смертной казни, которая в целом получила не столь широкое отражение в положениях Салической правды, в частности, по сравнению с более поздним западноевропейским феодальным правом.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флиер А.Я. Культура лишения жизни // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 146–162.
2. Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
3. Полетухин Ю.А. Классики правовой мысли эпохи Возрождения и Просвещения о проблеме применения смертной казни // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 19. С. 110–115.
4. История государства и права зарубежных стран. Т. 1. Древний мир и Средние века / ред. Н.А. Крашенинников, О.А. Жидков. М.: Норма, 2008. 720 с.
5. Золотарев А.Ю. К истории создания прологов «варварских правд» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 61–65.
6. Советская историческая энциклопедия / ред. Е.М. Жуков. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1969. 496 с.
7. Хачатуров Р.Л. Генезис юридической ответственности. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 38–57.
8. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах // История государства и права. 2014. № 11. С. 14–18.
9. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 272 с.
10. Книга для чтения по истории Средних веков / ред. П.Г. Виноградов. Вып. 1. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1896. 447 с.
11. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран. М.: Норма, 2003. 464 с.
12. Костромин А.С. Наказания, связанные с материальным воздействием на осужденного, в истории уголовного права зарубежных стран // История государства и права. 2007. № 1. С. 40–42.
13. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1. Древний мир и Средние века / ред. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М.: Норма, 2005. 816 с.
14. Суровень Д.А. Правовое положение населения по «Салической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 14. С. 87–151.
15. Якшигулов Ф.М. Ретроспективный анализ развития законодательства в области защиты прав и достоинств ребенка // Вестник ВЭГУ. 2015. № 5. С. 212–218.
16. Земляков М.В. Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 76–100.
17. Шпалтаков В.П. Государство и экономика в эпоху Средневековья // Инновационная экономика и общество. 2017. № 4. С. 15–28.
18. Молчанов Б.А. Субъект преступления в законодательствах государств Европы средневекового периода // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3. С. 162–166.
19. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск: Саранский филиал СП Норд, 1991. 352 с.
20. Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запаदा: историко-догматическое исследование. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1886. 354 с.
21. Книга для чтения по истории Средних веков / ред. П.Г. Виноградов. Вып. 2. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1897. 970 с.

REFERENCES

1. Flier A.Ya. The culture of taking the life. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 146–162.
2. Lokk Dzh. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Mysl Publ., 1988. Vol. 3, 668 p.
3. Poletukhin Yu.A. The classicists of legal thought of the Renaissance and the Enlightenment about the problem of death penalty application. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2010, no. 19, pp. 110–115.
4. Krasheninnikov N.A., Zhidkov O.A., eds. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir i Srednie veka* [History of state and law of foreign countries. The Antiquity and Middle ages]. Moscow, Norma Publ., 2008. Vol. 1, 720 p.
5. Zolotarev A.Yu. On the history of the “barbarian laws” preambles. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2015, no. 2, pp. 61–65.
6. Zhukov E.M., ed. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. Vol. 12, 496 p.
7. Khachaturov R.L. Genesis of legal responsibility. Part 1. *Pravo i politika*, 2006, no. 8, pp. 38–57.
8. Lyadova M.V., Tuchik E.S., Lyadova A.V. Historical-law analysis of gravity of causing harm to health in the first legislative documents. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2014, no. 11, pp. 14–18.
9. Kistyakovskiy A.F. *Issledovanie o smertnoy kazni* [The study of death penalty]. Tula, Avtograf Publ., 2000. 272 p.
10. Vinogradov P.G., ed. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov* [Reading book on the history of Middle ages]. Moscow, tip. A.I. Mamontova Publ., 1896. Vyp. 1, 447 p.
11. Kosarev A.I. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of state and law of foreign countries]. Moscow, Norma Publ., 2003. 464 p.
12. Kostromin A.S. Punishments related to the monetary treatment of a convicted person in the history of criminal law of foreign countries. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2007, no. 1, pp. 40–42.
13. Lysenko O.L., Trikoz E.N., eds. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir i Srednie veka* [Reading book on the history of state and law of foreign countries. The Antiquity and Middle ages]. Moscow, Norma Publ., 2005. Vol. 1, 816 p.
14. Suroven D.A. Legal status of the population on “Lex salica”: to a question of essence of barbarous societies and the states. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs*, 2015, no. 14, pp. 87–151.
15. Yakshigulov F.M. Retrospective analysis of the development of the legislation on the protection of the rights and dignity of the child. *Vestnik VEGU*, 2015, no. 5, pp. 212–218.
16. Zemlyakov M.V. Retrospective analysis of the development of the legislation on the protection of the rights and dignity of the child. *Srednie veka*, 2015, vol. 76, no. 3-4, pp. 76–100.
17. Shpaltakov V.P. State and economics in the middle ages. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo*, 2017, no. 4, pp. 15–28.
18. Molchanov B.A. The subject of crime in the legislations of the European countries of the medieval period. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 2014, no. 3, pp. 162–166.
19. Shprenger Ya., Institoris G. *Molot ved'm* [Witch Hammer]. Saransk, Saranskiy filial SP Nord Publ., 1991. 352 p.
20. Belogrits-Kotlyarevskiy L.S. *Prestupleniya protiv religii v vazhneyshikh gosudarstvakh Zapada: istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Crimes against the religion in the most important states of the West: historical and dogmatic research]. Yaroslavl', Tip. G. Falk Publ., 1886. 354 p.
21. Vinogradov P.G., ed. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov* [Reading book on the history of Middle ages]. Moscow, tip. A.I. Mamontova Publ., 1897. Vyp. 2, 970 p.

**MURDER, BLOOD VENGEANCE, AND DEATH PENALTY
IN COMPLIANCE WITH THE SALIC LAW REGULATIONS**

© 2019

I.A. Aleksandrov, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: death penalty; murder; blood vengeance; wrongful death; Salic law.

Abstract: The paper analyzes the matters concerning the death penalty, blood vengeance, and wrongful death. The author considers these categories in the context of the Salic law regulations composed during the regency of Frankish king Clovis in the late V – early VI centuries. The relevance of the study is caused by the ambiguity of the role of death category in the jurisprudence and the reasonability of distinguishing the terms “death penalty” and “murder”. In this connection, it is interesting to study the relationship of these concepts in the frames of the abovementioned early-feudal monument of law. The paper presents the characteristics of the ideas of ancient Germans about the blood vengeance for murder. The author considers the totality of Salic law regulations about the wergild payment that is to say the composition including material compensation, harm expiation. The author pays special attention to the title of LVIII Salic law which is called “About soil handful” and to the points of view in respect of its regulations interpretation, as well as considers the list of crimes for the commitment of which the Salic law ordered to use the death penalty as a punishment. The author points at the rationale to compare corresponding Salic law regulations with other monuments of the law of that period containing the reference to a number of other wrongful acts punishable by death. In particular, the question is about an edict of Ostrogothian king Theodorich (V century). To summarize, the author concludes that in Salic law, the practice of blood vengeance for murder substitutes for the system of so-called wergilds different amounts of which show the manifestation of social inequality between various social groups.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПРИ ПОВРЕЖДЕНИИ ЗДОРОВЬЯ
ВСЛЕДСТВИЕ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ**

© 2019

К.И. Дюк, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: возмещение причиненного вреда; несчастный случай на производстве; средний заработок; компенсация морального вреда.

Аннотация: На основе сформировавшейся судебной практики, действующего законодательства, в том числе постановлений и определений Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации по вопросу возмещения ущерба работнику, возникшего в результате несчастного случая, рассматривается возможность законодательного закрепления принципа возмещения утраченного заработка в полном объеме, а не в процентном отношении к установленной утрате трудоспособности. Отмечается, что работодатель несет ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, при этом указанный вред должен быть возмещен в полном объеме, а не в какой-то части (от чего бы то ни было). Работник имеет полное право на возмещение вреда, не покрытого страховым обеспечением, что и предлагается закрепить в официальных разъяснениях, направленных судам. Это, как указывает автор, поможет не допустить нарушение прав работников, с которыми произошел несчастный случай и которые в большинстве своем лишены дальнейшей возможности трудиться, а также приведет к единообразию в судебной практике по данному вопросу. Автор отмечает, что при решении вопроса выплаты компенсации морального вреда от несчастного случая, произошедшего на производстве, сторонам (работодателю и работнику) необходимо договариваться в досудебном порядке, без обращения в суд, избрав средством защиты обращение в суд лишь в исключительных случаях. Предлагается ввести ответственность за неправомерный отказ в выплате моральной компенсации в досудебном порядке, а также минимальные границы компенсации в зависимости от степени утраты трудоспособности и установленной группы инвалидности. Подчеркивается важность оценки судом всех заслуживающих внимания обстоятельств дела, в том числе вины работодателя в несчастном случае, объема и глубины физических и нравственных страданий работника, а также трудовых заслуг и ценностей работника.

ВВЕДЕНИЕ

Несчастный случай на производстве является серьезным происшествием, тем более если здоровью работника наносится вред, и работник получает какое-либо увечье или даже инвалидность. Как верно отмечает В.В. Иглин, «несчастные случаи на производстве, как и профессиональные заболевания, являются серьезной социальной проблемой и причиной существенных экономических потерь» [1, с. 9]. И, безусловно, соглашаясь со многими учеными, отметим, что возмещение вреда работнику в такой ситуации является основной гарантией защиты жизни и здоровья, напрямую связанной с охраной и безопасностью труда [2–4]. Принцип возмещения вреда от наступления последствий в результате несчастного случая и профессионального заболевания сложился исторически, еще со времен первых Конвенций Международной организации труда [5].

Получая повреждение здоровья, работник длительное время находится на больничном, в итоге он может вовсе потерять работу, приобретя инвалидность. При этом в законе сказано, что работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда, рабочее место, должное осуществление мероприятий, направленных на охрану труда; согласно норме статьи 184 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) «при повреждении здоровья или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания работнику (его семье) возмещаются его утраченный заработок (доход), а также связанные с повреждением здоровья дополнительные расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию либо соответствующие расходы в связи со смертью работника». В силу статьи 237 ТК

РФ «моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается работнику в денежной форме» [6, с. 665]. Возникает правомерный вопрос: в каком объеме работнику должен быть возмещен утраченный заработок и моральный вред? На практике нередко возникают случаи, когда заработок возмещается не в полном объеме, а лишь в части, предоставляемой страховым возмещением (в процентном отношении к утрате трудоспособности 20, 30, 40 % и т. д.) [7–9], в то время как работник полностью лишен возможности трудиться и получать заработок, на который имел право до наступления несчастного случая. Судебная практика также зачастую идет по другому пути, указывая, что страховое возмещение и есть оплата среднего заработка работника в полном объеме [10–12]; в таких случаях средний утраченный заработок, который был у работника до несчастного случая, остается непокрытым. Кроме того, имеется еще несколько проблем, связанных с возмещением вреда, полученного в результате несчастного случая, а именно отказ работодателя в добровольной выплате моральной компенсации и оставление решения данного вопроса на волю суда, что существенно затягивает получение гарантии. Еще одна проблема – назначение судами размера компенсации на свое усмотрение, зачастую без учета всех обстоятельств дела и личных качеств работника.

Цель работы – исследование различных аспектов возмещения ущерба при повреждении здоровья вследствие несчастного случая на производстве, определение причин возникновения расхождений в размере возмещения утраченного заработка и морального вреда на практике, обозначение пути предотвращения таких

расхождений, в том числе предложение изменений в действующее законодательство, направленных на соблюдение гарантий работников, получивших трудовое увечье в результате несчастного случая.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Итак, на практике работодатель, ограничиваясь страховым возмещением, выплаченным фондом социального страхования (в процентном отношении к утрате трудоспособности), отказывает работнику в выплате части среднего заработка, не покрытого страховым возмещением. Для того чтобы понять, правомерно ли это, необходимо разобраться, что же происходит с работником, когда он получает трудовое увечье в результате несчастного случая на производстве. Работник, получая трудовое увечье, уходит на больничный, зачастую его приказом отстраняют от работы, он долгое время находится на лечении (дома либо в лечебном заведении), работу не посещает. Он проходит обследование по факту утраты трудоспособности, в результате которого КЭК (клинико-экспертная комиссия) определяет процент ограничения трудоспособности – 10, 20, 30 % и т. д. На основании полученных от работодателя данных фонд социального страхования, исходя из установленной степени ограничения трудоспособности, производит выплаты. Указанная процедура затягивается на длительный срок, в течение которого работник не допускается до работы, т. е. не может выполнять весь ее объем, а не 10, 20, 30 %, а значит, работник полностью лишен того заработка, на который мог рассчитывать до наступления несчастного случая. Таким образом, выплаты фонда социального страхования в зависимости от степени утраты трудоспособности не покрывают в полном объеме причиненный работнику вред – утрату его среднего заработка.

Кроме того, во многих организациях коллективным договором предусмотрено, что при невозможности работника вернуться к прежним трудовым обязанностям в результате стойкой утраты трудоспособности работодатель обязан предоставить ему возможность обучения новой профессии. За время обучения выплачивается средняя заработная плата по прежнему месту работы. Также предусмотрена обязанность осуществлять своевременное трудоустройство лиц с ограниченной трудоспособностью по справкам КЭК и инвалидов согласно заключениям МСЭК (медико-социальной экспертной комиссии) с организацией их переобучения при необходимости. Более того, руководство страны неоднократно отмечало, что работодатель в целях социальной защищенности должен предусматривать рабочие места для трудоустройства лиц с ограниченной трудоспособностью. Также всегда следует учитывать программу реабилитации, в которой может быть противопоказан один вид работы и разрешен другой вид, который и имеется в распоряжении у работодателя.

Как показывает судебная практика, работодатель не всегда выполняет свою обязанность перед работником по переводу, в том числе переобучению новой профессии, тем самым лишая работника возможности трудиться, а значит, утраченный заработок подлежит выплате в полном объеме еще и в силу статьи 234 ТК РФ, в которой указано, что «работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться» [13].

Что касается возмещения утраченного заработка в полном объеме, то следует все же отметить, что некоторые добросовестные работодатели самостоятельно доплачивают разницу между страховыми выплатами по утраченному заработку и средним заработком, которым располагал работник до наступления несчастного случая. Имеются и судебные решения, в которых суд удовлетворяет требования истца о возмещении разницы между средним заработком работника до несчастного случая и социальным обеспечением, предусмотренным федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [14–16].

Обязанность возмещать утраченный заработок в полном объеме косвенно прослеживается и в разъяснениях Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно называл принцип, закрепленный в федеральном законе «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», принципом гарантированности возмещения причиненного вреда, который предполагает защиту нарушенных прав в полном объеме (определения от 1 декабря 2005 года № 460-О и от 3 ноября 2006 года № 445-О); «в силу пункта 2 статьи 1 данного федерального закона предусмотренное им право застрахованных на возмещение вреда в части, превышающей обеспечение по страхованию, не ограничивается: работодатель несет ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, в порядке главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах вследствие причинения вреда (определение от 11 июля 2006 года № 301-О и от 21 декабря 2006 года № 580-О), в которой, в частности, определены объем и характер возмещения вреда, причиненного гражданину повреждением здоровья при исполнении им договорных обязательств, а также размер подлежащего возмещению утраченного потерпевшим заработка (дохода) (статьи 1084, 1085 и 1086)» [17, с. 34].

Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя порядок применения статей 1084, 1085 и 1086 Гражданского кодекса Российской Федерации в рамках производственных несчастных случаев в мотивировочной части определения от 30.05.2016 № 81-КГ 16-5, также настаивает на обязанности виновного работодателя возмещать разницу между фактическим утраченным заработком и пособием по нетрудоспособности, выплаченным фондом социального страхования Российской Федерации [18]. Это положение закреплено и федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». Так, в пункте 2 статьи 1 указано, что «настоящий федеральный закон не ограничивает права застрахованных на возмещение вреда, осуществляемого в соответствии с законодательством Российской Федерации, в части, превышающей обеспечение по страхованию, осуществляемое в соответствии с настоящим федеральным законом» [19].

Таким образом, вред, причиненный жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, должен быть возмещен работодателем в полном объеме, а не в какой-то его части. Работник имеет полное

право на возмещение вреда (в виде среднего утраченного заработка), не покрытого страховым обеспечением. Возмещение вреда никак не может ставиться в зависимость от расчета больничных листов во взаимосвязи с процентом утраты трудоспособности, так как, находясь на больничном, работник лишен работы полностью, а не в каком-то процентном соотношении. Совершенно логично умозаключение, что листы нетрудоспособности предполагают полную утрату трудоспособности, а не 20, 30 % и т. д., так как работник полностью лишается возможности приступить к трудовой деятельности. Это следует из приведенных позиций Верховного, Конституционного Судов Российской Федерации, а также районных и областных судов [20–22].

Как мы видим, сегодня многие работодатели отказывают в выплате утраченного заработка в полном объеме, ссылаясь на степень утраты трудоспособности, на выплаты фонда социального страхования. Однако у работодателя должна возникать обязанность по возмещению ущерба в полном объеме, а именно морального вреда и утраченного среднего заработка, не покрытого страховым возмещением. Суды также должны вставать на сторону работника и обязывать работодателя возместить не покрытый страховым возмещением средний заработок работника, который у него был до травмы. Таким образом, работодатели, которые отказывают в выплате утраченного заработка в полном объеме, ссылаясь на степень утраты трудоспособности, нарушают закон, и суды должны реагировать на это, восстанавливая нарушенные права работников.

Существует и иная проблема при возмещении вреда здоровью работника, получившего трудовое увечье от несчастного случая, а именно отказ в выплате моральной компенсации в порядке досудебного урегулирования. При обращении работника к работодателю с заявлением о возмещении морального вреда работодатель без какого-либо урегулирования дает ответ, что по вопросу возмещения компенсации морального вреда работнику необходимо обращаться в суд, в то время как данный вопрос может быть урегулирован самостоятельно сторонами, например путем заключения соглашения о выплате компенсации за моральный вред. Тем самым в суде было бы намного меньше исковых заявлений с такими требованиями, а работник гораздо быстрее получал бы свою гарантию, предусмотренную законом.

При этом работодатель и суд, определяя размер компенсации морального вреда, зачастую игнорируют степень вины работодателя в несчастном случае, объем и глубину физических и нравственных страданий работника, основанных на его индивидуальных особенностях. Так, оценивая судебные решения по данной категории дел, отметим, что суды зачастую не учитывают допущенные грубые нарушения допуска работника к трудовым обязанностям (например, без должного медицинского осмотра; при нарушении срока проведения очередного периодического медицинского освидетельствования), отсутствие при оформлении трудового договора обязательных условий, направленных на охрану труда, отсутствие необходимого объема средств индивидуальной защиты, повлекшее за собой травму работника, и ряд других нарушений. При определении индивидуальных особенностей работника суд может совер-

шенно необоснованно проигнорировать следующие обстоятельства: стаж работы на предприятии, наличие семейной династии (работа на данном предприятии нескольких поколений семьи), наличие поощрений, грамот, наград, иного признания в период работы, отсутствие нареканий со стороны руководства, наличие лиц на иждивении работника и др. Чаще всего суд ограничивается одной общей формулировкой «с учетом нравственных или физических страданий, причиненных действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие работнику в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье и т. п.)». Зачастую в результате увечья, влекущего за собой инвалидность, работник не просто лишается работы, трудоспособности, а в целом теряет желание жить, смысл жизни.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Во избежание нарушения прав получивших трудовое увечье вследствие несчастного случая работников, которое выражается в выплате утраченного заработка в части процентной утраты трудоспособности, следует в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [23], Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [24]) дать следующие разъяснения судам: у виновного работодателя в любом случае возникает обязанность возмещать работнику, получившему трудовое увечье, разницу между фактическим утраченным средним заработком и пособием по нетрудоспособности (рассчитанным в процентном отношении к утрате трудоспособности), выплаченным региональным отделением Фонда социального страхования Российской Федерации, т. е. вне зависимости от установленной степени утраты трудоспособности. Аналогичную норму следует закрепить в отдельных статьях ТК РФ и федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Для решения проблемы, возникающей при возмещении вреда здоровью работника, который получил трудовое увечье от несчастного случая, связанной с отказом в выплате моральной компенсации в порядке досудебного урегулирования, предлагается законодательно закрепить ответственность работодателя за неправомерный отказ в выплате моральной компенсации в досудебном порядке, как, например, в законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» закреплена ответственность изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) в виде взыскания штрафа в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу потребителя, за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя [25].

Для недопущения возмещения компенсации морального вреда в произвольных размерах следует разработать и предложить работодателям и судам

определенную методику, направленную на количественную оценку морального ущерба, что не позволит самовольно занижать такую важную предусмотренную законом выплату. Возможный вариант – предложить установить минимальные границы размера компенсации морального вреда в зависимости от степени утраты трудоспособности и установленной группы инвалидности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании исследования различных аспектов возмещения ущерба при причинении вреда здоровью вследствие несчастного случая на производстве сделано заключение о необходимости: возмещения утраченного заработка в полном объеме (а не в процентном отношении к утрате трудовой способности); закрепления ответственности работодателя за отказ в выплате моральной компенсации; разработки и законодательного закрепления методики расчета компенсации морального вреда в зависимости от степени утраты трудоспособности и установленной группы инвалидности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иглин В.В. Проблемы учета и расследования несчастных случаев на производстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 9–13.
- Акатнова М.И. Возмещение вреда от несчастного случая на производстве как одна из гарантий права работников на охрану труда: международный аспект // Социальное и пенсионное право. 2016. № 2. С. 46–50.
- Добрынина С.А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью трудовым увечьем // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2007. № 3. С. 64–69.
- Титаренко Д.Н. Понятие и состав вреда, причиненного жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 145–147.
- Страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний // ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2010. С. 27–28.
- Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю.П. Орловский. М.: Контракт, 2014. 1680 с.
- РФ. Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 16.08.12. Обзор судебной практики Иркутской области за 2012 год, утвержденный Председателем Октябрьского районного суда г. Иркутска. Материалы гражданского дела № 2-7598/12 // Октябрьский районный суд г. Иркутска.
URL: oktiabrsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=9.
- РФ. Определение Иркутского областного суда от 21.12.12 об оставлении решения Октябрьского районного суда г. Иркутска от 16.08.12 без изменения // Судебные и нормативные акты РФ.
URL: sudact.ru/regular/doc/.
- РФ. Решение Марковского городского суда Саратовской области от 19.04.12. Материалы гражданского дела 2-446/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/.
- РФ. Определение Саратовского областного суда от 2.08.12 об оставлении решения Марковского городского суда Саратовской области от 19.04.12 без изменения. Обзор судебной практики Саратовского областного суда за 2012 год, утвержденный Председателем Саратовского областного суда. Материалы гражданского дела № 33-3534/2012 // Саратовский областной суд.
URL: oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=39.
- РФ. Решение Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 18.02.2015. Обзор судебной практики Кемеровского областного суда за 2015 год, утвержденный Председателем Саратовского областного суда. Материалы гражданского дела № 2-1793/2015 // Судебные и нормативные акты РФ.
URL: sudact.ru/regular/doc/.
- РФ. Определение Кемеровского областного суда от 14.05.15 об оставлении решения Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 18.02.2015 без изменения. Обзор судебной практики Кемеровского областного суда за 2015 год, утвержденный Председателем Кемеровского областного суда. Материалы гражданского дела № 33-4812/2015 // Судебные и нормативные акты РФ.
URL: sudact.ru/regular/doc/.
- РФ. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.
- РФ. Решение Октябрьского районного суда г. Томска от 31.10.17. Обзор судебной практики Томского областного суда за 2018 год, утвержденный Председателем Томского областного суда областного суда. Материалы гражданского дела № 2-2482/2017 // Томский областной суд.
URL: oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?id=349&name=docum_sud.
- РФ. Определение Томского областного суда от 20.02.18 об изменении решения Октябрьского районного суда г. Томска от 31.10.17 в части. Обзор судебной практики Томского областного суда за 2018 год, утвержденный Председателем Томского областного суда. Материалы гражданского дела 33-1536/2018 // Томский областной суд.
URL: oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?id=349&name=docum_sud.
- РФ. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.11.14 об отмене решения Сестрорецкого районного суда Санкт-Петербурга от 14.07.2014. Обзор судебной практики Санкт-Петербургского городского суда за 2014 год, утвержденный Председателем Санкт-Петербургского городского суда. Материалы гражданского дела № 33-18101/2014 // Судебные и нормативные акты РФ.
URL: sudact.ru/regular/doc/.
- РФ. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 12.11.2018 г. № 40-П по делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Волосникова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 1. С. 31–39.

18. Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2016 № 81-КГ16-5 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2017. № 10. С. 34–46.
 19. РФ. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ, ред. от 07.03.2018 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.
 20. РФ. Определение Белгородского областного суда от 03.02.15 об изменении решения Яковлевского районного суда Белгородской области от 27.10.14 в части. Обзор судебной практики Белгородского областного суда за 2015 год, утвержденный Председателем Белгородского областного суда. Материалы гражданского дела № 33-538/2015 // Белгородский областной суд.
URL: oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?id=4045&name=docum_sud.
 21. РФ. Определение Московского городского суда от 28.05.12 об оставлении решения Пресненского районного суда г. Москвы от 18.10.2011 без изменения. Обзор судебной практики Московского городского суда за 2012 год, утвержденный Председателем Московского городского суда. Материалы гражданского дела № 11-4733/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/.
 22. РФ. Определение Верховного суда от 30.05.16 об отмене решения Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 20.05.2015 и апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 01.09.2015. Материалы гражданского дела № 81-КГ16-5 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2016. № 12. С. 48–56.
 23. РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 5. С. 4–9.
 24. РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Официальные документы в образовании. 2016. № 12-14. С. 12–14.
 25. РФ. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1, ред. от 18.03.2019 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
- REFERENCES**
1. Iglin V.V. Problems of the account and investigation of accidents on production. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2010, no. 72, pp. 9–13.
 2. Akatnova M.I. Indemnification of Damage from an Occupational Accident as a Guarantee of the Right of Employees to Occupational Safety and Health: International Aspect. *Sotsialnoe i pensionnoe pravo*, 2016, no. 2, pp. 46–50.
 3. Dobrynina S.A. Compensation for personal work-related injury. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*, 2007, no. 3, pp. 64–69.
 4. Titarenko D.N. Concept and structure of the harm caused to life or health of the worker at execution of labor duties. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2011, no. 3, pp. 145–147.
 5. Insurance against industrial accidents and occupational diseases. *GTPDT i Byuro MOT dlya stran Vostochnoy Evropy i Tsentralnoy Azii*. Moscow, MOT Publ., 2010, pp. 27–28.
 6. Orlovskiy Yu.P., ed. *Kommentariy k trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to Russian Federation Labor Code]. Moscow, Kontrakt Publ., 2014. 1680 p.
 7. RF. The Decision of Oktyabrsky court of Irkutsk dated the 16th of August 2012. The review of litigation practice of Irkutsk region for 2012 approved by the President of Oktyabrsky district court of Irkutsk. Civil case papers. *Oktyabrskiy rayonnyy sud g. Irkutsk*. URL: oktyabrsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=9.
 8. RF. The Decision of Oktyabrsky court of Irkutsk dated the 21st of December 2012 on the affirmance of judgment of Oktyabrsky district court of Irkutsk dated the 16th of August 2012. *Sudebnye i normativnye акты RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
 9. RF. The Decision of Marx city court of Saratov region dated the 19th of April 2012. Civil case No. 2-446/2012 papers. *Sudebnye i normativnye акты RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
 10. RF. The Decision of Saratov regional court dated the 2nd of August 2012 on the affirmance of judgment of Marx city court of Saratov region dated the 19th of April 2012. The review of litigation practice of Saratov regional court for 2012 approved by the President of Saratov regional court. Civil case No. 33-3534/2012 papers. *Saratovskiy oblastnoy sud*. URL: oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=39.
 11. RF. The Decision of Rudnichny district court of Prokopievsk of Kemerovo region dated the 18th of February 2015. The review of litigation practice of Kemerovo regional court for 2015 approved by the President of Saratov regional court. Civil case No. 2-1793/2015 papers. *Sudebnye i normativnye акты RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
 12. RF. The Decision of Kemerovo regional court dated the 14th of May 2015 on the affirmance of judgment of Rudnichny district court of Prokopievsk of Kemerovo region dated the 18th of February 2015. The review of litigation practice of Kemerovo region for 2015 approved by the President of Kemerovo regional court. Civil case No. 33-4812/2015 papers. *Sudebnye i normativnye акты RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
 13. RF. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2002, no. 1, ch. 1, st. 3.
 14. RF. The Decision of Oktyabrsky district court of Tomsk dated the 31st of October 2017. The review of litigation practice of Tomsk regional court for 2018 approved by the President of Tomsk regional court. Civil case No. 2-2482/2017 papers. *Tomskiy oblastnoy sud*. URL: oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?id=349&name=docum_sud.
 15. RF. The Decision of Tomsk regional court dated the 20th of February 2018 on the amendment of judgment of Oktyabrsky district court of Tomsk dated the 31st of October 2017 in the part. The review of

- litigation practice of Tomsk regional court for 2018 approved by the President of Tomsk regional court. Civil case No. 33-1536/2018 papers. *Tomskiy oblastnoy sud*. URL: oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?id=349&name=docum_sud.
16. RF. The Decision of Saint Petersburg city court dated the 10th of November 2014 on the annulment of the decision of Sestroretsky district court of Saint Petersburg dated the 14th of July 2014. The review of litigation practice of Saint Petersburg city court for 2014 approved by the President of Saint Petersburg city court. Civil case No. 33-18101/2014 papers. *Sudebnye i normativnye akty RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
17. RF. The Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated the 12th of November 2018 No. 40-P on the case of verification of constitutionality of paragraph two of part three of article 445 of Civil Procedural Code of the Russian Federation on grounds of appeal letter of citizen V.S. Volosnikov. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 1, pp. 31–39.
18. The Judgment of the RF Supreme Court of 30.05.2016 No. 81-KG16-5. *Byulleten Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 10, pp. 34–46.
19. RF. On Compulsory Social Insurance against Industrial Accidents and Occupational Illnesses: Federal law of 24.07.1998 No. 125-ФЗ, ed. 07.03.2018. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1998, no. 31, st. 3803.
20. RF. The Decision of Belgorod regional court dated the 3rd of February 2015 on the amendment of judgment of Yakovlevsky district court of Belgorod region dated the 27th of October 2014 in the part. The review of litigation practice of Belgorod regional court for 2015 approved by the President of Belgorod regional court. Civil case No. 33-538/2015 papers. *Belgorodskiy oblastnoy sud*. URL: oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?id=4045&name=docum_sud.
21. RF. The Decision of Moscow city court dated the 28th of May 2012 on the affirmance of judgment of Presnensky district court of Moscow dated the 18th of October 2011. The review of litigation practice of Moscow city court for 2012 approved by the President of Moscow city court. Civil case No. 11-4733/2012 papers. *Sudebnye i normativnye akty RF*. URL: sudact.ru/regular/doc/.
22. RF. The Decision of RF Supreme Court dated the 30th of May 2016 on the annulment of the decision of Rudnichny district court of Kemerovo of Kemerovo region dated the 20th of May 2015 and the appeal decision of Court Collegium for Civil Cases of Kemerovo regional court dated the 1st of September 2015. Civil case No. 81-KG16-5 papers. *Byulleten Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 12, pp. 48–56.
23. RF. The Judgment of Plenum of the RF Supreme Court of 10.03.2011 No. 2 “On application by the courts of legislation on compulsory social insurance against industrial accidents and occupational illnesses”. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2011, no. 5, pp. 4–9.
24. RF. The Judgment of Plenum of the RF Supreme Court of 17.03.2004 No. 2 (ed. of 24.11.2015) “On application by the RF courts of the Labor Code of the Russian Federation”. *Ofitsialnye dokumenty v obrazovanii*, 2016, no. 12-14, pp. 12–14.
25. RF. On Protection of Consumers’ Rights: the RF law of 07.02.1992 No. 2300-1, ed. of 18.03.2019. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1996, no. 3, st. 140.

SOME ISSUES OF DAMAGE COMPENSATION IN THE CASE OF INJURY TO HEALTH AS A RESULT OF A PRODUCTION ACCIDENT

© 2019

K.I. Dyuk, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: compensation of damage caused; production accident; average earnings, compensation for moral harm.

Abstract: Based on the established common law, current legislation including the orders and decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation on the issues of compensation of damage caused by an accident to an employee, the paper considers the possibility of legislative consolidation of the principle of wage loss indemnity in full and not as a percentage of the established disablement. The author highlights that the employer is responsible for the employee’s personal work injury, and this harm should be compensated in full and not in any part (from whatever it was). An employee has the full right to compensation for damage not covered by the insurance, and the author proposes to fix it in the official explanations sent to the courts. The author points out that it will help to prevent violation of rights of employees who have suffered an accident and who, for the most part, are deprived of further opportunity to work, and will lead to uniformity of judicial practice on this issue as well. The author notes that while solving the issue of compensation for moral harm from a production accident, the parties (employer and employee) should agree on a pre-trial basis, without going to a court and choosing as a remedy to appeal to a court only in exceptional cases. The author proposes to introduce the responsibility for unlawful refusal to pay moral compensation in the pre-trial order, as well as the minimum compensation limits depending on the degree of disability and the assessed group of disability. Moreover, the paper emphasizes the importance of court’s assessment of all considerable circumstances of a case, including the employer’s fault in the accident, the volume, and depth of physical and moral suffering of an employee, as well as the employee’s labor merits and values.

КЛАССИФИКАЦИЯ КОНСТИТУЦИЙ ПО ПРИЗНАКУ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО МОДУСА ЛИЧНОСТИ: НОВЫЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ АНАЛИЗУ

© 2019

Е.А. Капитонова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Ключевые слова: правовой модус личности; виды конституций; ограничение конституционных прав и свобод; конституционные обязанности; конституционная ответственность.

Аннотация: Тема классификации конституций по различным основаниям находит широкое отражение в учебной литературе, однако редко становится предметом рассмотрения научных исследований. В то же время любое ее дополнение способно обогатить науку конституционного права за счет оригинальной точки зрения, которая поможет решить новые исследовательские задачи. Автором статьи проанализирован широкий спектр классификаций, предлагаемых российскими и зарубежными учеными (в том числе британскими и немецкими конституционалистами). Сделан вывод о возможности их дополнения концепцией, отражающей новый подход к содержательному анализу текстов основных законов. В основу классификации положены элементы правового модуса личности – ограничение прав и свобод, обязанности и ответственность. В зависимости от того, какие именно из них закреплены в тексте конституции, выделены 4 вида основных законов: 1) конституции, предусматривающие только возможность ограничения прав и свобод личности; 2) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности личности; 3) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также ответственность личности; 4) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности и ответственность личности. Приведены примеры и сделаны выводы о распространенности каждого из выделенных видов. Наиболее часто национальные законодатели упоминают в конституции обязанности и ограничения прав и свобод личности (второй вид). Первый и третий виды могут быть признаны редкими. Приведенные в статье выводы сделаны на основе анализа 67 конституций различных стран мира.

ВВЕДЕНИЕ

Критерии, в соответствии с которыми конституции могут быть поделены на различные виды, неисчислимы. Выбор определенной классификации конкретным ученым основывается в первую очередь на его исследовательском интересе, поскольку любая типология сама по себе не является самоцелью, а лишь помогает ответить на другие вопросы (к примеру, если исследователь занимается разработкой проблемы конституционного регулирования права на охрану здоровья и медицинскую помощь, то при изучении этого вопроса применительно к зарубежным странам он может предложить классификацию по критерию формулирования соответствующих норм [1]).

В российской юридической науке существует несколько общепринятых классификаций конституций по видам. В частности, по времени действия высшие законы страны делятся на постоянные и временные, а по времени принятия – на конституции «старого» и «нового поколения» (первой и второй волны либо первого и второго поколения). Последняя из упомянутых классификаций, по замыслу использующих ее авторов, призвана подчеркнуть разницу в объеме и характере закрепленных на высшем уровне базовых положений, регулирующих права и свободы граждан, систему и порядок взаимоотношений государственных органов и иные вопросы политической, экономической и социальной сфер. Однако следует отметить, что в случаях, когда конституция «старого поколения» сохраняет силу до настоящего времени, многие ее положения со временем претерпевают изменения, которые приспособляют ее к новым условиям и сближают с содержанием конституций «нового поколения», в связи с чем ряд ученых полагает эту классификацию в некотором роде условной и даже «малопродуктивной» [2]. Именно поэтому

в новейшей научной и учебной литературе речь чаще всего идет не о «поколениях», а о выделении этапов развития конституций. По этому принципу основные законы делят на 4 группы: первые в истории человечества и ныне действующие конституции, основные законы до- и послевоенного периода, а также постсоциалистические конституции [3; 4].

По характеру принятия и оформления конституции подразделяются на писанные (один или несколько принятых в установленном порядке нормативных документов, наделенных высшей юридической силой, количество которых положено в основу дальнейшего подразделения конституций на кодифицированные и некодифицированные) и неписанные (в случае, когда акты конституционного характера дополняются прецедентами, особого рода соглашениями и т. п.: например, в Великобритании к числу источников конституционного права относят судебные решения по важнейшим вопросам прав и свобод граждан, а также ряд доктринальных источников – мнения выдающихся британских правоведов, которые могут служить для восполнения пробелов в конституционном праве, хотя и не являются обязательными к применению) [5; 6].

По порядку принятия выделяют конституции октроированные (дарованные народу в одностороннем порядке главой государства) и принятые уполномоченным органом либо собранием (референдумом, парламентом, учредительным собранием) [7]. Существует и классификация по порядку изменения и отмены основного закона: «жесткие» требуют для принятия такого решения как минимум квалифицированного большинства голосов или применения особого порядка, а «гибкие» меняются простым большинством голосов, как обычные законы. Отдельные исследователи выделяют также комбинированные (смешанные) конституции, часть положений

которых меняется в усложненном порядке, а остальные нормы – в общем порядке, характерном для законодательной процедуры конкретного государства [8].

Определенным своеобразием отличается деление конституций в работах В.Е. Чиркина. Помимо прочего, он выделяет такое основание для классификации основных законов, как целеполагание, руководствуясь которым различает конституции программного характера (например, социалистические, провозглашающие высокие цели строительства коммунизма и т. п.) и констатирующие конституции, которые подобных положений не содержат [9].

В литературе также встречается деление конституций на федеративные и унитарные (по признаку государственного устройства), на демократические и недемократические (авторитарные) [10] и на монархические и республиканские [11; 12] (по декларируемой или подразумеваемой форме правления). Однако подобные классификации вряд ли следует считать корректными, поскольку они отражают скорее принятый в государстве режим, чем сущность самого основного закона страны [13].

Что касается современных зарубежных исследований, то в них прослеживается аналогичное деление конституций на кодифицированные и некодифицированные, «мягкие» и «жесткие», монархические и республиканские, президентские и парламентские, федеральные и унитарные.

Британский конституционалист J. Alder также выделяет «правовые» и «политические» основные законы, считая, что последние принимаются как «итог борьбы конкурирующих интересов» и в результате содержат положения, отражающие компромисс между различными группировками во власти (либо ветвями власти, либо властью и гражданами, либо различными территориями) [14]. Другие англоязычные правоведы считают, что политическая конституция оставляет право принятия самых важных решений по вопросам жизнедеятельности людей народным избранникам (представителям органов законодательной власти), в то время как правовая конституция наделяет расширенными полномочиями суды, предоставляя им право в том числе устанавливать пределы государственной власти (как это имеет место в случае с Верховным судом США, наделенным правом высшего конституционного надзора) [15].

Известный европейский конституционалист, бывший судья Федерального Конституционного суда Германии, профессор права Берлинского университета Гумбольдта и Йельской школы права D. Grimm полагает, что одной из наиболее важных должна быть признана типология конституций по правовым последствиям – тому, насколько политическая реальность соответствует конституционным нормам [16]. На этот же критерий ориентировался немецкий политолог и философ К. Loewenstein, который еще в середине XX века выделял нормативные, номинальные и семантические конституции [17]. Первые являются эффективными (политические субъекты выполняют все установленные конституционные требования), вторые и третьи – неэффективными, поскольку подразумевают либо ограниченность социально-экономических условий, не позволяющих в должной мере применять конституцию (например, основные законы бывших колоний – это номи-

нальные конституции), либо большое количество коллизий между нормами и объективной политической реальностью (конституции диктаторских или тоталитарных режимов по большей части декларируют права и свободы, но не защищают их на практике). Схожие суждения присутствуют в работах Т.Я. Хабриевой [18].

По результатам анализа становится очевидным, что ни одна из приведенных классификаций не отражает подходов действующих в различных странах основных законов к закреплению ограничений прав и свобод граждан, а также их обязанностей. Отдельные исследователи предлагают подразделять конституции по их содержанию на инструментальные и социальные [19], однако это деление в большей степени касается содержания прав и свобод личности, чем их ограничений и обязанностей (инструментальные конституции уделяют большее внимание установлению правового статуса различных структур государственного механизма, а социальные ставят главной задачей закрепление широкого круга прав и свобод личности).

Цель работы – предложение нового варианта классификации конституций по такому основанию, как используемый национальным законодателем подход к закреплению элементов правового модуля личности (ограничений прав и свобод граждан, их обязанностей и ответственности).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проведенный анализ 67 основных законов различных государств позволяет сделать вывод, что все ныне действующие в мире конституции по выделенному критерию можно разделить на 4 вида.

1. Конституции, предусматривающие только возможность ограничения прав и свобод личности.

Основной источник конституционного права Европейского союза, Хартия ЕС об основных правах 2000 г., не содержит указаний ни на обязанности, ни на ответственность личности, а лишь устанавливает ограничения отдельных прав и свобод (например, права собственности – ст. 17) и общие условия применения любых подобных ограничений (основанность на законе, соблюдение содержания охраняемых прав и свобод, пропорциональность ограничений и их соответствие допустимым целям, предусмотренным ст. 52 Хартии).

Аналогичный подход применяется в Конституции Австралии 1900 г., что объясняется уникальным характером данного нормативного акта, закрепляющего лишь несколько явных (писаных) прав, которые дополняются фрагментарным перечнем признаваемых Высоким судом Австралии подразумеваемых (неписаных) прав, но отказывающегося от принятого в современном мире принципа детального определения перечня защищаемых прав и свобод личности [20].

Конституция государства Бруней-Даруссалам 1959 г. не предусматривает обязанности и ответственность по иной причине – она вообще не обращается к вопросам правового статуса личности, а сосредоточивает все внимание на вопросах государственного управления и полномочиях власти различного уровня.

К этому же типу конституций можно отнести некодифицированный основной закон Канады (Канадская хартия прав и свобод в составе Конституционного акта 1982 г.) и Конституцию ЮАР 1996 г.

В целом можно констатировать, что конституционные акты подобного вида являются в мире довольно редкими.

2. Конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности личности.

Конституция США 1787 г. и принятые к ней впоследствии 27 поправок предусматривают несколько возможных ограничений прав, а также всеобщую обязанность платить подоходный налог (поправка XVI), но не упоминают ответственности за какие-либо нарушения.

К числу конституций, в которых отсутствует указание на ответственность личности, относятся основные законы Индии, Шри-Ланки, Таиланда, Восточного Тимора, Мьянмы, Лаоса, Перу, Монголии, Бангладеша, Пакистана, ОАЭ, Вьетнама, КНР, Египта, Эфиопии, Камеруна, Ирака, Палестины, Ирана, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехии, Литвы, Латвии, Эстонии, Австрии, Бельгии, Ирландии, Испании, Нидерландов, Азербайджана, Армении, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины и другие.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что этот вид конституций является в мире наиболее распространенным.

3. Конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также ответственность личности.

Нормы об ответственности личности следует отличать от распространенных в текстах основных законов положений об ответственности специальных субъектов правоотношений. Так, к примеру, в Конституции Австрийской Республики 1920 г. Шестой раздел «Гарантии соблюдения Конституции и законности управления» предусматривает порядок контроля над деятельностью должностных лиц различного уровня и возможность привлечения их к ответственности вплоть до отстранения от должности. Однако поскольку эти нормы распространяются лишь на ограниченный круг субъектов, наделенных специальным правовым статусом (должностных лиц, состоящих на государственной и муниципальной службе), они не могут быть признаны имеющими отношение к установлению ответственности личности как максимально обобщенного субъекта конституционных правоотношений. Поэтому в дальнейшем автор статьи полагает необходимым принимать во внимание только те положения основных законов, которые имеют отношение к правовому статусу личности, а не отдельных специальных субъектов.

Так, Конституция Федерации Малайзии 1957 г. предусматривает несколько возможностей ограничения прав и свобод законами, а также один случай конституционной ответственности личности – лишение гражданства страны в случае получения гражданства иного государства, при «проявлении нелояльности или недоброжелательности в отношении Федерации», а также при подтверждении факта обмана или введения в заблуждение в процессе получения гражданства и в других случаях (ст. 24–26). В этих нормах присутствует основание применения ответственности, потенциально распространяющейся на любого гражданина государства, а также конкретное содержание этой ответственности, что делает возможным вывод о наличии в законе пол-

ноценной конституционной ответственности. Аналогичные положения содержит Конституция Сингапура 1963 г., в которой также отсутствует указание на обязанность личности.

Указанием на ограничения прав и свобод личности и ответственность, без упоминания обязанностей, обходится неcodифицированная Конституция Швеции. В ее состав входят Акт о свободе печати 1949 г. и Основной закон о свободе высказываний 1991 г., каждый из которых содержит отдельные главы, посвященные описанию преступлений в этой сфере и ответственности за них. Несмотря на то, что по сути эти правонарушения являются уголовными преступлениями, сам факт их упоминания в конституционных актах выводит их на новый уровень и делает возможным их рассмотрение в рамках в том числе ответственности личности как элемента ее конституционно-правового модуля.

В целом конституции подобного вида не распространены в мире и являются единичными случаями.

4. Конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности и ответственность личности.

Такова, в частности, неcodифицированная конституция Франции. В ней содержатся положения о возможности ограничения прав и свобод личности в интересах других людей (ст. 4, 5 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), обязанности в сфере охраны окружающей среды (Хартия окружающей среды 2004 г.), но также и указание на ответственность личности за сопротивление задержанию (ст. 7 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.) и злоупотребление свободой слова в случаях, установленных законом (ст. 11).

Среди наиболее распространенных видов ответственности личности, предусмотренных конституциями, можно назвать лишение гражданства и (или) избирательного права за какие-либо прописанные в тексте основного закона нарушения. Например, пункт 3 ст. 4 Конституции Греции 1975 г. устанавливает, что грек может быть лишен гражданства страны в случае поступления на службу, противоречащую национальным интересам, в зарубежной стране. При этом конкретные условия и непосредственная процедура лишения гражданства как ответственности за допущенное нарушение предусматривается отдельным законом. Пункт “d” § 53 Конституции Королевства Норвегия 1814 г. предусматривает ответственность в виде лишения гражданства избирательного права в случае признания его виновным в покупке голосов, продаже собственного голоса или в подаче голоса более чем в одном избирательном собрании.

Значительно более редким примером ответственности личности, прописанной на высшем уровне, может служить ст. 6 (3) Основного закона ФРГ 1949 г., которая предусматривает возможность «отделения детей от семьи на основании закона», что, по сути, является ответственностью за невыполнение предусмотренной конституцией обязанности заботиться о детях (ст. 6 (2)). Аналогичное положение содержится в Конституции Португалии: пункт 6 ст. 36 допускает разлучение детей с родителями на основании решения суда в случае, если последние не выполняют своих основных обязанностей по отношению к детям.

Одновременное наличие ограничений прав и свобод, обязанностей и ответственности личности также имеет

место в конституциях Камбоджи, Мьянмы, Аргентины, Бразилии, Мексики, Доминиканской Республики, Республики Мозамбик, Турции, Португалии, Республики Беларусь, Казахстана и других.

Таким образом, данный вид конституций занимает в мире второе место по распространенности, после основных законов, предусматривающих возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности личности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Исходя из выделенного критерия классификации, предложена авторская концепция деления всех существующих в мире конституций на 4 вида: 1) конституции, предусматривающие только возможность ограничения прав и свобод личности; 2) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности личности; 3) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также ответственность личности; 4) конституции, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод, а также обязанности и ответственность личности. Наиболее распространенными в мире являются основные законы второго и четвертого видов. Конституции первого и третьего видов могут быть признаны редкими, поскольку носят характер единичных случаев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симкина И.В. К вопросу о классификации конституций государств Западной Европы по критерию способов формулирования норм, обеспечивающих право на охрану здоровья и медицинскую помощь // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Вып. 1. Минск: Международный университет «МИТСО», 2016. С. 75–77.
2. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.
3. Афанасьева О.В., Колесников Е.В., Комкова Г.Н. Конституционное право зарубежных стран. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 380 с.
4. Сажина В.В. Современные методы моделирования зарубежных конституций // Современное общество и власть. 2016. № 2. С. 118–124.
5. Богдановская И.Ю. Классификация конституций стран «общего права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 80–90.
6. Пугачёв А.Н. Форма конституции (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2011. № 6. С. 113–115.
7. Казанник А.И. Понятие и классификация конституций современных государств (сравнительный анализ) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 1. С. 54–65.
8. Новиков А.Б. К вопросу о классификации конституций по способу конституционного пересмотра // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2. С. 12–29.
9. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ, 1997. 568 с.

10. Винников А.Ю. К вопросу о правовых основаниях классификации деклараций // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 25. С. 38–43.
11. Берляевский Л.Г., Данихно С.Н. Классификация источников конституционного права: вопросы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2019. 464 с.
12. Польшаянская Л.А. Конституция – как основной закон государства // Интеллектуальные инновации. Инвестиции. 2009. № 1. С. 91–94.
13. Нечкин А.В. Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 81–91.
14. Alder J. Constitutional and Administrative Law. 8th ed. New York: Palgrave MacMillan, 2011. 608 p.
15. Le Sueur A., Sunkin M., Murkens J.E.K. Public law: text, cases and materials. Oxford: Oxford University Press, 2010. 921 p.
16. Grimm D. Types of Constitutions // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 98–139.
17. Loewenstein K. Political Power and the Governmental Process. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 442 p.
18. Хабриева Т.Я. Конституционные реформы в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 7. С. 579–586.
19. Червонюк В.И. Типология конституций // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 3. С. 102–109.
20. Храмова Т. Австралия: конституция без прав и права вне конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4. С. 14–28.

REFERENCES

1. Simkina I.V. On the classification of the constitutions of the Western Europe by the criterion of the ways of formulating the norms ensuring the right to health protection and medical care. *Problemy pravoponimaniya i pravoprimereniya v proshlom, nastoyashchem i budushchem tsivilizatsii: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Minsk, Mezhdunarodnyy universitet "MITSO" Publ., 2016. Vyp. 1, pp. 75–77.
2. Baglay M.V., Leybo Yu.I., Entin L.M., eds. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, Norma Publ., 2004. 832 p.
3. Afanaseva O.V., Kolesnikov E.V., Komkova G.N. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. 6th ed., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 380 p.
4. Sazhina V.V. Modern methods of foreign constitutions modeling. *Sovremennoe obshchestvo i vlast*, 2016, no. 2, pp. 118–124.
5. Bogdanovskaya I.Yu. Classification of Constitutions of Common Law Countries. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, 2012, no. 1, pp. 80–90.
6. Pugachev A.N. The form of constitution (comparative law analysis). *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*, 2011, no. 6, pp. 113–115.

7. Kazannik A.I. The notion and classification of modern states constitutions (comparative analysis). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2015, no. 1, pp. 54–65.
8. Novikov A.B. On the classification of constitutions by the method of constitutional review. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, 1997, no. 2, pp. 12–29.
9. Chirkin V.E. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow, Yurist' Publ., 1997. 568 p.
10. Vinnikov A.Yu. To the question of legal grounds for the classification of declarations. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2015, no. 25, pp. 38–43.
11. Berlyavskiy L.G., Danikhno S.N. *Klassifikatsiya istochnikov konstitutsionnogo prava: voprosy teorii i praktiki* [Classification of sources of constitutional law: issues of theory and practice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 464 p.
12. Polyvyanaya L.A. The constitution – as the supreme law of the state. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2009, no. 1, pp. 91–94.
13. Nechkin A.V. Constitutions of the CIS countries and Other Post-Socialist States: A Comparative Legal Review. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 5, pp. 81–91.
14. Alder J. *Constitutional and Administrative Law*. 8th ed. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2011. 608 p.
15. Le Sueur A., Sunkin M., Murkens J.E.K. *Public law: text, cases and materials*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2010. 921 p.
16. Grimm D. Types of Constitutions. *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2013, pp. 98–139.
17. Loewenstein K. *Political Power and the Governmental Process*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1957. 442 p.
18. Khabrieva T.Ya. Constitutional reforms in the modern world. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 86, no. 7, pp. 579–586.
19. Chervonyuk V.I. Typology of constitutions. *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*, 2017, no. 3, pp. 102–109.
20. Khranova T. Australia: a constitution without rights and rights outside the constitution. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 2016, no. 4, pp. 14–28.

**THE TYPOLOGY OF CONSTITUTIONS ON THE BASIS OF CONSOLIDATION
OF PERSONALITY LEGAL MODUS ELEMENTS:
A NEW APPROACH TO THE CONTENT ANALYSIS**

© 2019

E.A. Kapitonova, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law”
Penza State University, Penza (Russia)

Keywords: personality legal modus; types of constitutions; restriction of constitutional rights and freedoms; constitutional duties; constitutional responsibility.

Abstract: The issue of classification of constitutions according to various principles is widely reflected in educational literature but it rarely becomes the subject of scientific research. At the same time, any of its supplements can enrich the constitutional law science due to the original point of view which will help solving new research problems. The author analyzes various classifications proposed by Russian and foreign scientists (including British and German constitutionalists) and makes the conclusion about the possibility of their supplementing with the concept reflecting a new approach to the content analysis of the texts of basic laws. The classification is based on the personality legal modus elements – the restriction of rights and freedoms, and duties and responsibilities. Depending on which of them are enshrined in the text of the constitution, the author distinguish 4 types of basic laws: 1) constitutions providing only for the possibility of restricting personal rights and freedoms; 2) constitutions providing for the possibility of restricting the rights and freedoms, as well as the duties of an individual; 3) constitutions providing for the possibility of restricting the rights and freedoms, as well as the responsibility of an individual; 4) constitutions providing for the possibility of restricting the rights and freedoms, as well as the duties and responsibilities of an individual. The author gives the examples and concludes about the prevalence of each specified type. Typically, national legislators mention in the constitution the duties and restrictions of personal rights and freedoms (the second type). The first and third types may be recognized as rare types. The author made conclusions based on the analysis of 67 constitutions of various countries of the world.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДАЧИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТАМ
ОБЪЕКТОВ ТЕПЛО-, ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ**

© 2019

О.О. Липина, главный специалист-экспертУправления Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия,
ассистент кафедры гражданского права и процесса
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан (Россия)

Ключевые слова: договор аренды; концессионное соглашение; антимонопольный орган; хозяйствующий субъект.

Аннотация: Вопрос передачи объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения хозяйствующим субъектам актуален на сегодняшний день. Не секрет, что органы местного самоуправления зачастую передают такое муниципальное имущество без организации и проведения процедуры торгов. Некоторые муниципалитеты проводят конкурсные процедуры, по результатам которых заключается договор аренды. Вместе с тем заключение такого договора не всегда правомерно ввиду большой изношенности коммунальных сетей. Здесь законно заключить концессионное соглашение.

В статье освещены вопросы нормативно-правового регулирования передачи прав владения и пользования объектами тепло-, водоснабжения и водоотведения, находящимися в муниципальной собственности, и условия заключения концессионных соглашений при передаче и эксплуатации объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения. Также были затронуты вопросы неисполнения органами местного самоуправления норм федерального законодательства, регулирующего порядок передачи муниципального имущества, а также вопросы заключения органами местного самоуправления договоров аренды объектов тепло-, водоснабжения, введенных в эксплуатацию более 5 лет назад, с нарушением норм действующего законодательства.

В статье разъяснено, когда необходимо проводить торги, а в каких случаях заключать договоры аренды, безвозмездного пользования, которые в отношении муниципального имущества заключаются без проведения конкурсов (аукционов). Кроме того, даны разъяснения по применению антимонопольного законодательства при заключении концессионных соглашений в отношении объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем, в соответствии с положениями Федерального закона от 03.07.2016 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях"».

ВВЕДЕНИЕ

За прошедший год Управлением Федеральной службы по Республике Хакасия выявлено свыше двух десятков нарушений антимонопольного законодательства муниципалитетами.

На заседании комиссии сотрудники антимонопольного ведомства сталкиваются с непониманием руководителей органов местного самоуправления: передача в аренду сетей тепло-, водоснабжения на обслуживание коммерческой организации, единственной в населенном пункте, априори не может быть нарушением антимонопольного законодательства. Какова необходимость заключения именно концессионного соглашения? Однако такие неправомерные действия муниципалитетов влекут возбуждение дел о нарушении антимонопольного законодательства и привлечение к административной ответственности должностных лиц. Но бывает, что и те, кто знаком с антимонопольным законодательством, сознательно его нарушают. Обратимся к нормам закона.

В настоящее время подавляющее большинство нарушений законодательства в области передачи прав владения и пользования объектами тепло-, водоснабжения и водоотведения связано с незаключением органами местного самоуправления концессионных соглашений, вследствие чего указанные объекты жилищно-коммунального хозяйства передаются хозяйствующим субъектам по договорам аренды в нарушение требований Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

В научной литературе рассматриваются разные аспекты вопроса о заключении концессионных соглашений. Некоторые авторы подчеркивают значимость таких

соглашений как инструмента национальной безопасности [1; 2], другие настаивают на необходимости заключения концессионных соглашений в связи с реформированием жилищно-коммунального комплекса, инвестированием в объекты тепло- и водоснабжения, нуждающиеся в реконструкции [3; 4], третьи исследователи особое внимание обращают на условия заключения концессионных соглашений [5; 6]. Вместе с тем научных работ, специально посвященных порядку заключения концессионных соглашений, ответственности за нарушение такого порядка, в отечественной науке практически не было.

Цель работы – анализ нормативно-правового регулирования передачи прав владения и пользования объектами тепло-, водоснабжения и водоотведения, находящимися в муниципальной собственности, и условий заключения концессионных соглашений при передаче и эксплуатации объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения.

**ДОГОВОР АРЕНДЫ ИЛИ КОНЦЕССИОННОЕ
СОГЛАШЕНИЕ?**

В соответствии с положениями Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) заключение любых договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсных процедур, за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции.

В части 1 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции приведен порядок заключения договоров, но, согласно части 2 этой статьи, он не распространяется на имущество, распоряжение которым осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о концессионных соглашениях.

С момента официального опубликования (08.05.2013) Федерального закона от 07.05.2013 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 103-ФЗ) передача прав владения и (или) пользования в отношении объектов теплоснабжения, водоснабжения осуществляется с особенностями, установленными Федеральным законом от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон о водоснабжении и водоотведении) и Федеральным законом от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении).

В соответствии с положениями Закона о водоснабжении и водоотведении, если разница между датой ввода в эксплуатацию хотя бы одного объекта из числа объектов водоснабжения и (или) водоотведения и датой опубликования извещения о проведении конкурса превышает пять лет, то такие объекты могут быть переданы только по концессионному соглашению. При этом Законом о водоснабжении и водоотведении предусмотрено, что договор аренды заключенный с нарушением таких требований, является ничтожным. Аналогичные требования в отношении объектов теплоснабжения, находящихся в муниципальной собственности, содержится в Законе о теплоснабжении.

Таким образом, выбор способа передачи прав и (или) пользования объектами жилищно-коммунального назначения (аренда или концессионное соглашение) законодатель связывает с датой ввода указанных объектов в эксплуатацию. Данные требования исключают произвольный выбор органом местного самоуправления формы конкурса и формы договора в отношении рассматриваемых объектов.

Согласно части 1 статьи 13 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессионных соглашениях) концессионное соглашение заключается путем проведения конкурса на право заключения концессионного соглашения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 37 указанного закона.

При проведении торгов на право заключения концессионного соглашения конкурсная комиссия устраивает заседание по вскрытию конвертов с заявками. По итогам заседания подписывается протокол комиссии, который публикуется в соответствующем разделе извещения о проведении открытого конкурса на право заключения концессионного соглашения на официальном сайте Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов (<https://torgi.gov.ru>). Затем конкурсная комиссия устраивает заседание по предварительному отбору участников, на котором принимается решение о допуске / отказе в допуске к участию в конкурсе хозяйствующих субъектов, после чего участникам направляется уведомление о необходимости предоставления конкурсного предложения в конкурсную комиссию. По результатам рассмотрения конкурс-

ных предложений выбирается победитель, с которым заключается концессионное соглашение.

На практике имеют место случаи инициативной концессии: инициативу о заключении концессионного соглашения проявляет хозяйствующий субъект. В течение определенного периода прохождения необходимых процедур по согласованию основных показателей и существенных условий по проекту концессионного соглашения, поступившему в адрес органа местного самоуправления от хозяйствующего субъекта, для иных потенциальных концессионеров отсутствуют ограничения по аналогичному обращению в адрес органов местного самоуправления (потенциального концедента) с предложением о заключении концессионного соглашения в порядке частной инициативы [7]. Если соответствующих предложений за указанный период от иных потенциальных участников не зафиксировано, то можно считать, что нарушения законодательства об антимонопольном регулировании при заключении концессионного соглашения с хозяйствующим субъектом отсутствуют. После этого, как правило, органом местного самоуправления определяются основные мероприятия по подготовке документов для заключения концессионного соглашения без проведения конкурса с хозяйствующим субъектом в отношении объектов тепло-, водоснабжения, находящихся в собственности муниципалитета, на условиях, предусмотренных предложением о заключении концессионного соглашения такого хозяйствующего субъекта. Такие мероприятия прямо указывают на готовность концедента заключить концессионное соглашение на предложенных инициатором концессионного соглашения условиях с учетом существенных условий проекта концессионного соглашения. Вместе с тем некоторые муниципалитеты сталкиваются с рядом проблем, касающихся заключения концессионных соглашений. В результате нарушается федеральное законодательство, применяются меры антимонопольного реагирования [8].

Представляется, что первопричиной незаключения концессионных соглашений выступает отсутствие финансовых средств на надлежащую подготовку концессионной процедуры. Так, в частности, объект концессионного соглашения должен быть поставлен на государственный кадастровый учет и (или) зарегистрирован в установленном законом порядке как объект муниципальной собственности, что зачастую органы местного самоуправления после получения объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения в казну муниципального образования своевременно не производят ввиду длительности и затратности данных процедур [9].

Кроме того, для подготовки конкурсной документации на право заключения концессионного соглашения концеденту необходимо осуществить комплекс работ: оценку, проведение технического обследования передаваемого имущества и подготовку соответствующего отчета (пункт 12 части 1 статьи 46 Закона о концессионных соглашениях), формирование задания на основании утвержденных схем теплоснабжения, схем водоснабжения и водоотведения, актуализированных на дату подготовки документации (часть 2 статьи 45 Закона о концессионных соглашениях), расчет минимально допустимых плановых значений показателей деятельности концессионера и долгосрочных параметров

регулирования деятельности (пункт 1 части 1 статьи 46 Закона о концессионных соглашениях) и др.

Второй причиной незаключения концессионных соглашений является отсутствие необходимых специалистов в штате органа местного самоуправления. Процедура подготовки проекта концессионного соглашения, включающего в себя мероприятия по реконструкции объектов жилищно-коммунального хозяйства, к которым относятся переустройство на основе внедрения новых технологий, механизация и автоматизация производства, модернизация и замена устаревшего и изношенного оборудования новым и более производительным оборудованием, предполагает участие специалистов со специальным техническим и юридическим образованием, которые обладают знаниями в области управления муниципальной собственностью и организации закупок [10]. Вместе с тем лишь в администрациях крупных муниципальных образований работают специалисты, а большинство сельских поселений вынуждены разрабатывать конкурсную документацию и концессионное соглашение путем обмена опытом друг с другом, при этом районные администрации зачастую не оказывают информационную и техническую помощь входящим в их состав поселениям при подготовке необходимого пакета документов для организации конкурса на право заключения концессионного соглашения [11].

Еще одной проблемой, возникающей при заключении концессионных соглашений, является длительность процедуры проведения конкурса на заключение концессионного соглашения, которая на практике достигает полугода [12]. Получение различных согласований в органах государственной власти субъектов Российской Федерации и иных уполномоченных органах предполагает определенные временные затраты. Кроме того, опубликование сообщения о проведении конкурса на право заключения концессионного соглашения осуществляется не менее чем за 30 рабочих дней до дня истечения срока предоставления заявок на участие в конкурсе согласно части 1 статьи 26 Закона о концессионных соглашениях. По результатам вскрытия конвертов с заявками на участие в конкурсе конкурсная комиссия осуществляет предварительный отбор участников конкурса и в течение трех рабочих дней со дня подписания членами конкурсной комиссии протокола проведения предварительного отбора участников конкурса, но не позднее чем за 60 рабочих дней до дня истечения срока представления конкурсных предложений в конкурсную комиссию, направляет участникам конкурса уведомление с предложением представить конкурсные предложения (часть 4 статьи 29 Закона о концессионных соглашениях). По результатам оценки конкурсных предложений определяется победитель, и в течение пяти рабочих дней со дня подписания членами конкурсной комиссии протокола о результатах проведения конкурса конкурент направляет победителю проект концессионного соглашения, который должен быть подписан в срок, установленный конкурсной документацией и указанный в сообщении о проведении конкурса (часть 1 статьи 36 Закона о концессионных соглашениях), что также влияет на продолжительность процедуры. Кроме того, в случае отсутствия заявок необходимо повторно объявлять конкурсные процедуры [13].

Вместе с тем на территории Республики Хакасия существуют муниципальные районы, численность населения в которых не превышает 12 тыс. человек. У администраций сельских поселений возникают проблемы с тем, чтобы найти единственного эксплуатанта для объектов тепло-, водоснабжения и водоотведения. В связи с этим представляется чрезмерным требование о необходимости проведения конкурсных процедур в таких поселениях и о продолжительности сроков этих процедур [14].

Следует отметить, что одно из самых распространенных нарушений – это предоставление муниципального имущества без проведения процедуры торгов [15]. Подчас органы местного самоуправления заключают договоры аренды объектов коммунальной инфраструктуры с «нужными» организациями. Необходимая при этом процедура торгов, которая должна быть открытой, не проводится.

Как уже указывалось выше, для проведения торгов нужна экспертиза объектов, на нее требуется порядка 3 млн рублей, а муниципалитеты, как правило, не располагают такими средствами [16]. Кроме этого, хозяйствующие субъекты не идут на заключение концессионных соглашений, обязательным условием которых является ремонт и модернизация арендуемых объектов жилищно-коммунального хозяйства [17]. В итоге ограничивается доступ к муниципальному имуществу иных заинтересованных субъектов, которые могли бы участвовать в торгах [18]. Это является нарушением части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции, за которое предусмотрена административная ответственность в виде штрафа в размере 15 тыс. рублей. Как правило, главы муниципальных образований оплачивают такие штрафы достаточно быстро. В это время хозяйствующие субъекты копят долги, не рассчитываются с ресурсоснабжающими организациями, не выполняют текущих ремонтов сетей. К концу года, как правило, такие фирмы банкротятся, а в новом году приходят в эту же сферу под новыми названиями, и такая процедура повторяется из года в год [19]. Кроме того, следует учитывать, что действия органа местного самоуправления по передаче на конкурсной основе в аренду объектов ЖКХ, в отношении которых должно было заключаться концессионное соглашение, вне зависимости от того, участвовали ли в таком конкурсе один или несколько участников, могут быть квалифицированы как нарушение пункта 3 части 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции, устанавливающего запрет на нарушение порядка определения победителя торгов.

Вместе с тем действующее законодательство, устанавливая особые требования к передаче прав владения и (или) пользования объектами тепло-, водоснабжения и водоотведения, не затрагивает правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом и не исключает возможности передачи собственником имущества на праве хозяйственного ведения и оперативного управления в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом.

С учетом изложенного, действующее законодательство в настоящее время не содержит положений, запрещающих передачу муниципального имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за муниципальными предприятиями и учреждениями соответственно.

Вышеуказанную правовую позицию в своем Определении от 09.10.2017 № 308-КГ17-8292 по делу № А63-7188/2016 высказал Верховный Суд РФ [20].

В соответствии с Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» в качестве основополагающих принципов государственной политики по развитию конкуренции определено сокращение доли хозяйствующих субъектов, учреждаемых или контролируемых государством или муниципальными образованиями, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на товарных рынках. К названным хозяйствующим субъектам относятся, в частности, муниципальные унитарные предприятия, которым передается муниципальное имущество на праве хозяйственного ведения.

Еще одним исключением при передаче спорного муниципального имущества является заключение договора аренды муниципального имущества без проведения аукциона в силу наличия следующего основания: технологическая связь участка сети инженерно-технического обеспечения, подлежащего передаче, и объекта коммунальной инфраструктуры, уже находящегося в пользовании потенциального арендатора. На практике такие случаи нередки, и Закон предоставляет муниципалитету право не проводить конкурсные процедуры.

ВЫВОДЫ

Таким образом, с учетом положений Указа Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» полагаем, что проводить конкурсные процедуры (заключение концессионного соглашения) необходимо в любом случае в соответствии с требованиями Закона о защите конкуренции и Закона о концессионных соглашениях.

Именно в случае проведения конкурсных процедур на право заключения концессионного соглашения можно выявить круг потенциально заинтересованных в заключении такого соглашения хозяйствующих субъектов, имеющих желание и возможность не только эксплуатировать объекты тепло-, водоснабжения и водоотведения, но и позитивно влиять на процесс реконструкции (восстановления) объектов коммунальной сферы.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожин С.В. Концессия как инструмент национальной безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 33. С. 7–13.
2. Сасина А.Э. Значение концессионных соглашений в современных условиях // Молодой ученый. 2017. № 17. С. 191–195.
3. Стрельченко В.В. Повышение качества жилищно-коммунальных услуг на основе инновационного развития жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Национальной академии туризма. 2011. № 4. С. 87–90.
4. Миронов С. Реформа жилищно-коммунального хозяйства: поиск эффективных решений // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 6. С. 115–124.
5. Белых В.С., Звездина Т.М. Концессионное соглашение: спорные вопросы теории и практики // Юрист. 2017. № 24. С. 4–8.
6. Дубинчина С.В. Существенные условия концессионных соглашений: что важно учитывать при формировании условий долгосрочных обязательств сторон // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 87–94.
7. Раговская С.А. СГС «Концессионные соглашения»: пора готовиться // Госсектор: учет, планирование, контроль. 2019. № 1. С. 37–46.
8. Платонова Н.Л. Новое в законодательном регулировании концессионных соглашений в Российской Федерации // Право и экономика. 2019. № 1. С. 16–21.
9. Звягинцев С.Е. Правовые аспекты распределения экономического риска в концессионных соглашениях и иных административных договорах // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 64–71.
10. Гринев В.П. Контракты жизненного цикла, концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве: общее и особенное // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4. С. 31–37.
11. Татонова И. Концессия на трубы. Правительство страны установило особенности совместных конкурсов на заключение концессионных соглашений в сфере ЖКХ // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». 2017. № 6. С. 52–53.
12. Марчук Е.В. Передача муниципальной собственности в концессию: преимущества и недостатки // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 386–388.
13. Линейкина С.М. Как получить права владения и пользования на объекты тепло-, водоснабжения и водоотведения из госсобственности? // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 2. С. 23–28.
14. Матвиенко С.В. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 136–181.
15. Пилявский В.П. Реформирование жилищно-коммунального комплекса мегаполиса: управление качеством услуг. СПб.: Астерион, 2018. 123 с.
16. Родин А.А. Возможности разрешения споров между инвестором и государством, возникающих из концессионных соглашений: право и практика их применения // Приложение к журналу Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 16–21.
17. Ившин М.С. Институционально-организационное обеспечение концессионной деятельности в России в годы НЭПА // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 35–43.
18. Сеницын С.А. Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 45–61.
19. Никитин В.В. Учет объекта концессионного соглашения у концессионера // Жилищно-коммунальное

- хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 9. С. 24–32.
20. РФ. Определение Верховного Суда РФ от 25.04.2018 № 308-КГ17-20263 по делу № А53-30316/2016 // Экономика и жизнь. URL: eg-online.ru/document/adjudication/372921/.
- REFERENCES**
1. Kozhin S.V. Concession as a tool of national security. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 2015, no. 33, pp. 7–13.
 2. Sasina A.E. The value of concession agreements in modern conditions. *Molodoy uchenyy*, 2017, no. 17, pp. 191–195.
 3. Strelchenko V.V. Improving the quality of municipal services based on innovative development of housing and communal. *Vestnik Natsionalnoy akademii turizma*, 2011, no. 4, pp. 87–90.
 4. Mironov S. The reform of housing and communal services: the search for effective solutions. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2008, no. 6, pp. 115–124.
 5. Belykh V.S., Zvezdina T.M. Concession agreement: issues of theory and practice. *Yurist*, 2017, no. 24, pp. 4–8.
 6. Dubinchina S.V. Significant conditions of concession agreements: what is important to consider when formulation of conditions of long-term obligations of the parties. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 10, pp. 87–94.
 7. Ratovskaya S.A. GHS “Concession agreements”: it's time to get ready. *Gossektor: uchet, planirovanie, kontrol*, 2019, no. 1, pp. 37–46.
 8. Platonova N.L. The new in the legislative regulation of concession agreements in the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 1, pp. 16–21.
 9. Zvyagintsev S.E. The Legal Aspects of the Economic Risk Distribution in Concessionary Agreements and Other Administrative Agreements. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2018, no. 1, pp. 64–71.
 10. Grinev V.P. Life cycle contracts, concession agreements and agreements on public-private partnership: the general and the special. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*, 2018, no. 4, pp. 31–37.
 11. Tatonova I. Concession for pipes. The government of the country has established features of joint competitions for concluding concession agreements in the housing and utilities sector. *Informatsionno-analiticheskoe izdanie "Byulleten Operativnoy Informatsii "Moskovskie Torgi" "*, 2017, no. 6, pp. 52–53.
 12. Marchuk E.V. Transfer of municipal property in concession: advantages and disadvantages. *Molodoy uchenyy*, 2013, no. 11, pp. 386–388.
 13. Lineykina S.M. How to get the right of ownership and use of objects of heat, water supply and sanitation of state property? *Zhilishchno-kommunalnoe khozyaystvo: bukhgalterskiy uchet i nalogooblozhenie*, 2019, no. 2, pp. 23–28.
 14. Matvienko S.V. Practical Application by Arbitrazh Courts of the Ruling of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. 16 “On Contract Freedom and Its Limits”, March 14, 2014. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 9, pp. 136–181.
 15. Pilyavskiy V.P. *Reformirovanie zhilishchno-kommunalnogo kompleksa megapolisa: upravlenie kachestvom uslug* [Reforming housing complex metropolis: quality management services]. Sankt Petersburg, Asterion Publ., 2018. 123 p.
 16. Rodin A.A. Possibilities of Resolution of Disputes between Investor and State Arising out of Concessionary Agreements: Law and Application Practice. *Prilozhenie k zhurnalu Predprinimatelskoe pravo*, 2017, no. 3, pp. 16–21.
 17. Ivshin M.S. Institutional and Organizational Support for Concession Activities in Russia During the New Economic Policy (NEP). *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 8, pp. 35–43.
 18. Sinitsyn S.A. A contract: new facets of regulation and law understanding issues. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 1, pp. 45–61.
 19. Nikitin V.V. Accounting for the object of concession agreement with the concessionaire. *Zhilishchno-kommunalnoe khozyaystvo: bukhgalterskiy uchet i nalogooblozhenie*, 2018, no. 9, pp. 24–32.
 20. RF. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.04.2018 No. 308-KG17-20263 in case No. A53-30316 / 2016. *Ekonomika i zhizn*. URL: eg-online.ru/document/adjudication/372921/.

**SOME ISSUES OF TRANSFER OF OBJECTS
OF HEAT AND WATER SUPPLY AND WATER DISPOSAL TO ECONOMIC ENTITIES**

© 2019

O.O. Lipina, chief specialist-expert
of the Office of the Federal Antimonopoly service of the Republic of Khakassia,
assistant of Chair of Civil Law and Procedure
N.F. Katanov Khakass State University, Abakan (Russia)

Keywords: lease agreement; concession agreement; antimonopoly authority; economic entity.

Abstract: Today, the issue of transfer of heat and water supply and water disposal facilities to economic entities is relevant. It is no secret that local government bodies often transfer such kind of municipal property without organizing and conducting the bidding procedure. Some municipalities run competitive procedures which result in a lease agreement. However, the conclusion of such a contract is not always legitimate due to the large deterioration of utilities. The conclusion of a concession agreement will be legal here.

The paper covers the issues of legal regulation of transfer of possession and utilization of heat and water supply and water disposal facilities being the municipal property and the conditions for concession agreements conclusion when transferring and utilizing heat and water supply and water disposal facilities. The author addresses the issues of failure of local authorities to comply with the norms of Federal legislation governing the transfer of municipal property, as well as the issues of conclusion by local authorities of the agreements for leasing of heat and water supply facilities put into operation more than 5 years ago in violation of the current legislation.

The paper explains the cases when it is necessary to hold an auction and in what cases the lease agreements and gratuitous use agreements concerning the state or municipal property should be concluded without carrying out competitions (auctions). Moreover, the author gives the explanations on application of the antimonopoly legislation when concluding the concession agreements towards the objects of heat supply, centralized systems of hot water supply, cold water supply and (or) water disposal, and separate objects of such systems according to the provisions of Federal law dated the 03.07.2016 No. 275-FZ "On amendments to Federal law "On concession agreements".

АЛЬТЕРНАТИВА КАК НАУЧНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

© 2019

А.В. Моисеев, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
В.А. Остроухова, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: альтернатива; альтернатива в праве; альтернативные санкции; альтернативные наказания; альтернативные меры ответственности; альтернативные обязательства.

Аннотация: Категория «альтернатива», несмотря на ее частое и активное использование как законодателем, так и научной общественностью, является мало исследованной и недостаточно разработанной. Однако современная правовая действительность обуславливает необходимость проведения подобных научных изысканий, что связано с достаточно частым использованием альтернативы в нормах действующего законодательства. Исследование посвящено изучению альтернативы как целостной научно-правовой категории с теоретических и правовых позиций с целью определения понятия «альтернатива» и выделения ее признаков. Проведен обзор действующего законодательства, в котором в одних случаях альтернатива используется как юридико-технический прием при конструировании нормы права, в других – в ее смысловом значении. В целом было установлено, что альтернатива применяется в конституционном, гражданском, уголовном, процессуальном и в других отраслях права, практически в каждом нормативно-правовом акте можно найти альтернативу, т. е. ситуацию, когда предоставляется выбор. Несмотря на проводимые научные исследования отдельных видов альтернатив в праве, альтернатива как самостоятельная научно-правовая категория остается без должного внимания научной общественности. В работе представлен обзор позиций ученых по данному вопросу, исследовано этимологическое, философское и логическое значение категории «альтернатива». Выделены признаки альтернативы (свободный и обязательный выбор, достижение цели с наилучшим результатом, два и более варианта предмета выбора, характеризующегося нормативностью и взаимоисключенностью, орфографические признаки), с учетом которых была предложена формулировка ее определения, не претендующая на окончательность.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из категорий, активно используемых действующим законодательством и научной общественностью, является «альтернатива». В целом понятие «альтернатива» применяется во всех отраслях российского права, и практически в каждом нормативно-правовом акте можно найти альтернативу, т. е. ситуацию, когда предоставляется выбор. По большей части ученые определяют альтернативу применительно к тем или иным правовым явлениям.

К примеру, В.С. Петров дает следующее понятие альтернативных обязательств: «Единое обязательственное правоотношение, содержанием которого являются субъективные права и юридические обязанности по предоставлению неопределенного предмета исполнения, осложненное в зависимости от ситуации либо секундарным правом совершать выбор, либо юридической обязанностью совершить выбор и субъективным правом требовать совершения выбора» [1, с. 100]. Как можно заметить, в понятие альтернативы ученый включает право выбора, обязанность выбора и право требования совершить выбор от другого лица из неопределенного предмета исполнения. Е.К. Шуба альтернативу применительно к санкциям в уголовном праве понимает как выбор вида наказания или взыскания среди нескольких возможных [2].

Достаточно интересное определение альтернативы в гражданском праве в свое время дал В.А. Ойгензихт, считая ее своего рода проявлением диспозитивности, присущей гражданскому праву, так как альтернатива предоставляет возможность «осуществлять правосубъектность по своему усмотрению, приобретая гражданские права и обязанности, распорядясь ими, определяя в известных пределах их содержание» [3, с. 11].

А.В. Демин, также объясняя наличие альтернативы в налоговом праве «просачиванием» диспозитивных конструкций в его ткань, понимает под альтернативой выбор одного из нескольких вариантов. Иными словами, в понимании ученого альтернатива – это перечисленные в норме права предметы выбора [4]. Н.И. Гайдаенко Шер считает, что альтернативными механизмами разрешения споров являются «другие, в некотором смысле – противоположные» [5, с. 44].

М.А. Чуринова предлагает два варианта определения альтернативы в уголовном праве: в законотворческом смысле и в правоприменительном. В первом значении альтернатива – деятельность законотворческих органов, закрепляющая криминообразующие признаки посредством предоставления выбора из нескольких предложенных вариантов применительно к личности виновного или совершенному им преступлению с целью привлечения его к уголовной ответственности или освобождения от нее или от наказания. В правоприменительном значении альтернатива в уголовном праве определяется как деятельность правоприменителя, обусловленная потребностью выбора в пользу одного или нескольких обстоятельств, указанных в законе, с целью установления фактического совершенного преступления и привлечения виновного к ответственности или освобождения от нее или наказания [6].

В науке предпринимаются попытки сформулировать и общетеоретическое определение альтернативы. Так, Э.М. Мурадян, определяя альтернативу в целом как одну из двух или нескольких возможностей, вариантов, предоставляемых по выбору, т. е. возможность или необходимость выбора, дает достаточно краткое и емкое определение альтернативы в праве – предоставленное законом право реального выбора [7]. С.А. Боровиков альтернативу понимает как выбор варианта поведения,

удовлетворяющего определенным требованиям и позволяющего достичь определенных целей с наилучшим результатом и наименьшими затратами времени и средств [8]. С.С. Ссорин, отмечая важность значения понятий в праве, определяет научный термин «альтернатива» как право выбора, имеющего характер предпочтения [9]. Д.А. Липинский и А.А. Мусаткина под альтернативой понимают свободу или право обязательного выбора [10].

Большое внимание разработке альтернативы как научно-правовой категории уделяет М.А. Чуринова. На основании проведенного сравнительно-правового исследования категории альтернативы в уголовном праве и общей теории права М.А. Чуринова под альтернативой в праве предлагает понимать возникающую потребность в формулировании нескольких истинных обстоятельств, а равно выборе одного или нескольких из них, перечисленных в норме или нормах, с целью описания или квалификации поведения и действий субъектов права [6].

Несмотря на предпринимаемые попытки ученых сформулировать понятие альтернативы, за пределами их внимания остается исследование альтернативы как самостоятельной научно-правовой категории, как цельного правового явления [6], которое имеет место в современной научно-правовой действительности.

Цель работы – определение понятия и признаков альтернативы как научно-правовой категории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Действующее законодательство использует понятие «альтернативный» применительно к альтернативной гражданской службе, как службе, осуществляемой взамен военной службы по призыву (ст. 3 Федерального закона от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об альтернативной гражданской службе»); альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»); альтернативной бесплатной дороги, наличие которой является главным условием для использования платных автомобильных дорог (ст. 37 Федерального закона от 08.11.2007 (ред. от 27.12.2018) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»); альтернативному обязательству, как обязательству, по которому должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий (воздержаться от совершения действий) (ст. 308.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) части первой от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)).

Альтернатива в действующем законодательстве может быть выражена не только с помощью применения слова «альтернатива», но и посредством перечисления конкретных прав, обязанностей и обязательств. Иными словами, законодатель использует и категорию «альтернатива» как юридико-технический прием при конструировании нормы права, и ее смысловое значение.

К примеру, в конституционном праве предусмотрены альтернативные способы голосования для лиц, которые не могут прийти в место для голосования (досроч-

ное голосование, голосование по почте, голосование вне помещения для голосования (ст. 65, п. 14 ст. 64, 66 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

В гражданском праве альтернативными могут быть не только обязательства, но и права и обязанности, которые одна из сторон имеет право выбрать по своему усмотрению (см., например, часть 2 ст. 468, части 1, 2 ст. 475, части 1, 2 ст. 480, части 1, 2 ст. 503, ч. 1 ст. 612, ч. 1 ст. 616, ч. 1 ст. 693, ч. 1 ст. 723, ч. 2 ст. 1035 и др. статьи ГК РФ), альтернативные санкции (ст. 167, 169, 1082 и др. статьи ГК РФ).

В семейном праве предусмотрены альтернативные формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей (раздел VI Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018)).

В уголовном праве альтернативными могут быть санкции, наказания, меры, альтернативные наказанию, лишению свободы, юридической ответственности [9], основания освобождения от уголовной ответственности, уголовного наказания [6]. В административном праве альтернативными могут быть санкции, виды административных наказаний. Альтернативными могут являться и диспозиции уголовно-правовой (см. ст. 228, 228.1, 228.2 и др. статьи УК РФ) и административно-правовой (см. ст. 5.1, 5.5, 6.1.1., 6.3.1 и др.) норм.

В процессуальном праве выделяют альтернативные нормы подсудности (ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018), ст. 36 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.0.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018), ст. 24 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018)). В уголовном судопроизводстве подобной альтернативой выступает особый порядок судопроизводства, включающий особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (далее – УПК РФ)) и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

В теоретическом аспекте учеными исследуются альтернативные обязательства [11], альтернативные санкции [12], альтернативные наказания и меры ответственности [13], альтернативные механизмы разрешения споров [5]. Предметом научных интересов являются те или иные альтернативы в праве [14].

Чтобы разобраться с тем, что представляет собой альтернатива в праве, т. е. сформулировать общетеоретическое определение альтернативы, которое могло бы применяться во всех других отраслевых юридических науках, необходимо обратиться к этимологическому значению данного слова.

Само слово «альтернатива» имеет французские (alterrative) и латинские (alter) корни и означает «один из двух». В своем словарном значении альтернатива понимается как необходимость выбора одного из двух или нескольких возможных решений [15] или как каждая из двух или нескольких взаимоисключающих возможностей и выбор между этими возможностями [16].

В философском значении альтернатива также понимается как обусловленный необходимостью выбор между двумя взаимоисключающими возможностями [17]. Подобным образом альтернатива понимается и в логике – как выбор одного из двух обстоятельств [18].

В приведенном выше определении альтернативы, сформулированном М.А. Чуриновой, учтено отличие альтернативы в праве от философского и логического понятий выбором в пользу не строго одного, а нескольких объектов, т. е. выбор между двумя или несколькими истинными обстоятельствами, перечисленными в норме права [19]. Кроме того, исследователь выделяет орфографические и смысловые признаки альтернативы, вытекающие из его этимологического значения, так как альтернатива всегда закрепляется посредством перечисления «через запятую или с использованием слов «или», каждое из которых будет считаться альтернативой по отношению друг к другу» [20, с. 284–285].

Однако если исходить из того, что предметом выбора могут являться два и более варианта поведения, возможных решений, обстоятельств, объектов, то выбор может касаться не только какой-либо качественной характеристики предмета, но и количественной. Поэтому орфографически выбор может обозначаться как через запятую или словами «или», так и посредством указания на определенные его границы, пределы с помощью предлогов «от», «до» и других слов, характеризующих количественную сторону альтернативы.

Кроме того, М.А. Чуринова определяет категорию «альтернатива» как потребность в выборе [6]. Однако если обратиться к этимологическому значению слова «потребность» («надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения» [15]), то можно заметить, что потребность в выборе еще не означает его осуществление, а только нуждаемость в таком выборе. Если же закон предоставляет выбор, то такой выбор обязателен к исполнению. В своем словарном значении слово «обязательный» означает «безусловный для исполнения, неременный» [15].

Поэтому следует согласиться с Д.А. Липинским и А.А. Мусаткиной, которые помимо свободы выбора или права выбора, заложенного в понятие альтернативы, еще указали на такой обязательный и главный элемент, как обязательность данного выбора [10], что также вытекает из этимологического значения слова «альтернатива». На обязательность выбора как признак альтернативы указывает в своем определении альтернативных обязательств и В.С. Петров [1].

В действующем законодательстве альтернатива также предполагает предоставленный законом обязательный выбор одного или нескольких из перечисленных в норме права конкретных обстоятельств, объектов, прав или обязанностей.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Изложенные взгляды ученых на определение понятия «альтернатива» как научно-правовой категории, а также правовой анализ норм действующего законодательства позволяют выделить следующие признаки альтернативы:

- 1) свободный и обязательный выбор;
- 2) выбор направлен на достижение определенной цели с наилучшим результатом;

- 3) предметом выбора могут являться два и более варианта поведения, возможных решений, обстоятельств, объектов;

- 4) предметы выбора характеризуются:

- нормативностью, т. е. они перечислены в норме права;

- взаимоисключаемостью, т. е. выбор одного из предлагаемых исключает выбор другого или остальных. Иными словами, в данном случае речь идет о смысловом признаке альтернативы, означаящем, что каждый из перечисленных в норме права предметов выбора является альтернативой по отношению к другим и выбор одного или нескольких из перечисленных в норме права предметов выбора исключает выбор другого или других;

- 5) орфографические признаки: альтернатива закрепляется в норме права посредством перечисления, через запятую или словами «или», «либо», а также посредством указания на определенные границы выбора, его пределы с помощью предлогов «от», «до» и других слов, характеризующих качественную или количественную сторону альтернативы.

Таким образом, на основе данных признаков можно сформулировать следующее определение альтернативы в праве – это предоставленный законом свободный и обязательный выбор одного или нескольких из перечисленных в норме права двух и более предметов выбора, исключающих выбор другого или других, и направленный на достижение определенной цели с наилучшим результатом.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров В.С. Правовая конструкция альтернативного обязательства // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 99–119.
2. Шуба Е.К. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 23–25.
3. Ойгензихт В.А. Альтернатива в гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1991. 176 с.
4. Демин А.В. Институт налоговых альтернатив в российском и американском налоговом праве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 193–197.
5. Гайдаенко Шер Н.И. Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. 248 с.
6. Чуринова М.А. Категория «альтернатива» в уголовном праве и общей теории права: сравнительное исследование // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 2. С. 106–113.
7. Мурадян Э.М. Альтернативные права и процедуры // Цивилист. 2006. № 2. С. 43–54.
8. Боровиков С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних

- как альтернатива уголовному наказанию. М.: Юрлитинформ, 2008. 192 с.
9. Ссорин С.С. Альтернативы в уголовном праве: понятие и виды // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 1. С. 214–223.
 10. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. К вопросу о понятии и видах альтернативных санкций // Юридическая мысль. 2017. № 3. С. 48–59.
 11. Захаркина А.В. Надлежащее исполнение альтернативных обязательств на новой нормативной платформе в условиях цифровой экономики Российской Федерации // Право и экономика. 2018. № 10. С. 41–47.
 12. Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Чукова Е.В. Альтернативные санкции в российском праве. М.: РИОР, 2018. 184 с.
 13. Сундунов Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань: Казанский государственный институт им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 300 с.
 14. Горбань А.В. Уголовно-правовое воздействие сегодня: возможные альтернативы // Российский следователь. 2018. № 10. С. 34–37.
 15. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. М.: Оникс, 2007. 640 с.
 16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 699 с.
 17. Краткая философская энциклопедия / сост. Е.Ф. Губский. М.: Прогресс, 1994. 575 с.
 18. Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 721 с.
 19. Чуринова М.А. Категория «альтернатива» в уголовном законе: понятие, признаки и функции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 283–287.
 20. Чуринова М.А. Логико-философские критерии альтернативы в праве // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege lata et de lege ferenda: материалы Международной научно-практической конференции. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2016. С. 242–245.
 - activities (the experience of Russia and foreign countries)]. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii Publ., 2016. 248 p.
 6. Churinova M.A. The category of “alternative” in criminal law and general theory of law: a comparative study. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk natsionalnoy gvardii*, 2018, no. 2, pp. 106–113.
 7. Muradyan E.M. Alternative rights and procedures. *Tsivilist*, 2006, no. 2, pp. 43–54.
 8. Borovikov S.A. *Prinuditel'nye меры vospitatel'nogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh kak alternativna ugolovnomu nakazaniyu* [Enforcement measures of educational influence concerning minors as alternative to criminal punishment]. Moscow, YurLitinform Publ., 2008. 192 p.
 9. Ssorin S.S. Alternatives in criminal law: the concept and types. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2011, no. 1, pp. 214–223.
 10. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. To the question of the concept and the kinds of alternative sanctions. *Yuridicheskaya mysl*, 2017, no. 3, pp. 48–59.
 11. Zakharkina A.V. Proper implementation of alternative obligations in the new regulatory platform in the context of digital economy of the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*, 2018, no. 10, pp. 41–47.
 12. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. *Alternativnye sanktsii v rossiyskom prave* [Alternative sanctions in Russian law]. Moscow, RIOR Publ., 2018. 184 p.
 13. Sundurov F.R. *Nakazanie i alternativnye меры v ugolovnom prave* [Punishment and alternative measures in criminal law]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy institut im. V.I. Ulyanova-Lenina Publ., 2005. 300 p.
 14. Gorban A.V. Criminal law influence today: possible alternatives. *Rossiyskiy sledovatel*, 2018, no. 10, pp. 34–37.
 15. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka: ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: approx. 53,000 words]. Moscow, Oniks Publ., 2007. 640 p.
 16. Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. Vol. 1, 699 p.
 17. Gubskiy E.F., ed. *Kratkaya filosofskaya entsiklopediya* [Brief philosophical encyclopedia]. Moscow, Progress Publ., 1994. 575 p.
 18. Kondakov N.I. *Logicheskiy slovar* [Logical dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 721 p.
 19. Churinova M.A. The category of “alternative” in the criminal law: concept, features and functions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 283–287.
 20. Churinova M.A. Logiko-philosophical criteria of alternative in law. *20 let Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: de lege lata et de lege ferenda: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Yaroslavl, Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P.G. Demidova Publ., 2016, pp. 242–245.

REFERENCES

1. Petrov V.S. Statutory concept of alternative obligation. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2007, no. 3, pp. 99–119.
2. Shuba E.K. The concept and types of sanctions in criminal law of the Russian Federation. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*, 2016, no. 2, pp. 23–25.
3. Oygenzikht V.A. *Alternativa v grazhdanskom prave* [An alternative in civil law]. Dushanbe, Irfon Publ., 1991. 176 p.
4. Demin A.V. Tax Alternatives in the Russian and American Tax Law. *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 2, pp. 193–197.
5. Gaydaenko Sher N.I. *Alternativnye mekhanizmy razresheniya sporov kak instrument formirovaniya blagopriyatnoy sredy dlya predprinimatelskoy deyatel'nosti (opyt Rossii i zarubezhnykh stran)* [Alternative mechanisms of dispute resolution as an instrument of formation of positive environment for entrepreneurial

ALTERNATIVE AS A SCIENTIFIC-LEGAL CATEGORY

© 2019

A.V. Moiseev, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
V.A. Ostroukhova, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: alternative; alternative in law; alternative sanctions; alternative punishments; alternative liability measures; alternative obligations.

Abstract: Despite its frequent and active use both by the legislator and the scientific community, the category of an alternative is little developed and researched. However, current legal reality causes the necessity of carrying out such scientific research what is associated with the rather frequent use of an alternative in the current statutory provisions. The research covers the study of an alternative as an integral scientific-legal category from the theoretical and legal perspectives in order to determine the concept of an alternative and identify its attributes. The authors reviewed the current legislation where the legislator uses the alternative as a legal technique when constructing a standard of law in some cases and as its semantic meaning – in other cases. In general, the alternative is applied in constitutional, civil, criminal, procedural, and other branches of law; one can find the alternative, i. e. a situation where the choice is given, in almost every normative legal act. Despite the scientific research of some types of alternative in law, the alternative as an independent scientific-legal category remains without due attention of the scientific community. The paper gives the review of the opinions of scientists on this issue, investigates the etymological, philosophical, and logical meaning of the category of an alternative. The authors identified the attributes of an alternative (free or mandatory choice, achievement of an objective with the best result, two or more options for the subject of choice characterized by the normativity and mutual elimination, and orthographic features) considering which the authors proposed the formulation of its definition making no pretense of its finality.

ОТЗЫВ ВЫБОРНОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2019

В.В. Наумкина, доктор юридических наук,
профессор кафедры государственного права, директор института истории и права
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан (Россия)

Ключевые слова: глава муниципального образования; местное самоуправление; органы местного самоуправления; депутат муниципального образования; ответственность; отзыв.

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена несовершенством федерального законодательства в области местного самоуправления. В статье рассматривается отзыв выборного должностного лица местного самоуправления как вид ответственности должностного лица и как форма участия населения в решении вопросов местного значения. Возможность влиять на вопросы управления в муниципальном образовании является основополагающей идеей реализации местного самоуправления. Отсутствие механизмов воздействия на выборных должностных лиц или несовершенство таких механизмов снижает возможности гражданского общества и делает участие населения фрагментарным. Отзыв как оценочная категория обеспечивает обратную связь с населением. Целью работы является анализ основания и правовой природы отзыва выборного должностного лица. Правовая регламентация отзыва носит дискуссионный характер и имеет ряд недоработок. Основания применения отзыва выборного должностного лица и существующая процедура не позволяют сделать однозначный вывод о природе отзыва как вида ответственности выборного должностного лица. В статье проводится анализ отзыва в сопоставлении с удалением от должности должностного лица. Узкий подход законодателя ограничивает возможности использования этой формы участия населения в решении вопросов местного значения местным сообществом. Это в целом снижает возможности влияния населения на деятельность должностных лиц. Несовершенство законодательства на практике не позволяет населению отозвать должностное лицо, которое не способно заниматься вопросами управления либо принимает решения, не соответствующие интересам местного сообщества. Необходимо изменить концепцию отзыва должностного лица. В статье сформулированы предложения по изменению законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Отзыв выборного должностного лица местного самоуправления является малоизученной формой участия населения в решении вопросов местного значения. Как мера ответственности отзыв выборного должностного лица редко используется на практике в силу неопределенности основания отзыва и отсутствия четкой правовой регламентации процедуры [1; 2]. Большинство научных работ посвящено анализу норм уставов муниципальных образований [3–5]. Рассматривая вопросы несовершенства правового регулирования отзыва выборного должностного лица уставами, авторы приходят к выводу о необходимости принятия федерального закона об отзыве [6–8].

Как демократический институт и форма реализации вопросов местного населения отзыв имеет большой потенциал [7; 9; 10]. Несовершенство правового регулирования отзыва сокращает возможность населения влиять на управление в муниципальном образовании, что приводит к увеличению разрыва между органами местного самоуправления и местного сообщества [11]. Таким образом, отзыв выборного должностного лица является актуальным вопросом, который имеет прикладное значение.

Цель исследования – анализ правового регулирования отзыва должностного лица местного самоуправления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отзыв выборного должностного лица местного самоуправления является элементом демократии [9], в котором отражается сущность института местного самоуправления. Законодатель рассматривает местное самоуправление как форму народовластия, поэтому без участия населения данный уровень власти не является самоуправлением в полном смысле этого слова. Отзыв

должностного лица – механизм, позволяющий обеспечить действенный контроль со стороны гражданского общества [12]. Кроме того, отзыв является реакцией общества на действия либо бездействие должностного лица и отражает интересы населения.

Отзыв выборного должностного лица местного самоуправления можно рассматривать как форму непосредственной реализации местного самоуправления [7; 10], форму народовластия [13], вид ответственности [14] и как инструмент оценки деятельности должностного лица. Законодатель закрепляет отзыв и как форму реализации местного самоуправления, как вид ответственности и как право населения.

Если исходить из понимания местного самоуправления как формы осуществления народом своей власти, отзыв является обязательным элементом участия населения в вопросах управления и реальным рычагом воздействия на выборное должностное лицо. Как форма реализации местного самоуправления населением отзыв – дорогая по стоимости форма участия населения и трудоемкая процедура, поскольку реализуется данное право путем проведения референдума. Но даже при таких минусах отказываться от отзыва нельзя, поскольку будет утрачена возможность населения реагировать на деятельность должностного лица.

Как вид ответственности должностного лица отзыв имеет ряд недоработок. Во-первых, не все выборные должностные лица могут быть отозваны. Согласно п. 2.1 статьи 24 Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее ФЗ «Об общих принципах...»), отзыв не применяется в отношении депутатов, избранных по партийным спискам. С одной стороны, у политической партии есть свои механизмы влияния на партийных депутатов. С другой стороны, политиче-

ская партия не должна подменять население. Оценки действия депутата со стороны населения и со стороны партии могут не совпадать. Кроме того, избрание депутата по политическим спискам не должно ограничивать возможности населения участия в решении вопросов местного значения. Согласно статье 71 ФЗ «Об общих принципах...» население имеет право отозвать депутата, при этом отзыв закрепляется как ответственность перед населением. Ответственность перед населением не должна быть связана с видом избирательной системы, партийной принадлежностью и т. д.

Во-вторых, законодательство содержит достаточно узкий подход к основанию отзыва выборного должностного лица. Согласно ФЗ «Об общих принципах...» предусмотрено только одно основание для отзыва – это «противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке» (статья 24, п. 2). Основание, несомненно, является достаточно весомым, но при этом оно не охватывает весь спектр деятельности выборного лица, кроме того, является неконкретным.

В.И. Червонюк, рассматривая основание отзыва главы муниципального образования, отмечает, что отзыв по своей правовой природе следует отнести к мерам конституционной ответственности, следовательно, субъективная сторона не всегда должна быть сопряжена с правонарушением [15]. Поэтому, по его мнению, основание в существующей формулировке не отражает всех действий главы, которые могут противоречить интересам населения [15]. Решение суда уже является «оценкой» действия должностного лица.

Основание для отзыва выборного должностного лица связано с правовой природой отзыва как вида ответственности. Совершенно справедливо А.А. Кондрашов подчеркивает, что отзыв как мера ответственности имеет сложную структуру, поскольку ее можно квалифицировать как негативную и как позитивную ответственности. Признаком негативной ответственности является основание отзыва – противоправное деяние [16]. Кроме того, А.А. Кондрашов подчеркивает, что отзыв может использоваться за совершение поступков, не подпадающих под признаки преступления (правонарушения), и реализоваться посредством голосования, а не юрисдикционными органами (поэтому может квалифицироваться как мера позитивной ответственности) [16].

Если отзыв рассматривать как форму реализации местного самоуправления, нужно признать, что он не должен дублировать решения властных органов. Основания отзыва как формы реализации населением местного самоуправления должны включать оценку политической, хозяйственной и иной деятельности должностного лица с позиции интересов населения и местных особенностей, поскольку это заложено в дефиниции местного самоуправления. Что касается противоправных действий (бездействия), которые являются основанием отзыва, можно отметить следующее. При совершении должностным лицом противоправных деяний, которые имеют или могут иметь серьезные последствия, законодатель предусматривает санкции, применение которых приводит к отстранению от должности без отзыва или иных дополнительных процедур (например, лишение свободы, запрет занимать должности и т. д.). Следовательно, применение отзыва законодатель предусматривает при совершении противоправных дейст-

вий / бездействии невысокой общественной опасности. Кроме того, законодатель не конкретизирует, о каком именно противоправном решении или действии идет речь. В данном случае противоправные решения или деяния можно условно разделить на два вида: 1) непосредственно связанные с осуществлением властных полномочий выборного должностного лица местного самоуправления; 2) не связанные с властными полномочиями выборного должностного лица (например, дорожно-транспортные происшествия).

Если законодатель под «противоправным решением или действием (бездействием)» понимает только те, которые связаны с осуществлением властных полномочий, то в таком случае напрашивается вопрос о целесообразности отзыва при наличии решения суда [17]. В данном случае решение суда будет оценкой деятельности должностного лица.

Если законодатель рассматривает отзыв как меру политической ответственности, то население должно исходить из моральной составляющей и требований к репутации должностного лица. В таком случае отзыв сводится к оценке населением морального права занимать должность при наличии подтвержденного судом противоправного деяния. Для политической ответственности должностного лица перечень оснований необходимо расширять [18]. К политическим основаниям следует отнести: невыполнение предвыборных обещаний; неспособность или нежелание должностного лица выполнять должностные полномочия; разочарование населения или несогласие населения с проводимой политикой/реформами в муниципальном образовании.

Федеральный закон предусматривает процедуру удаления в отставку, которая по последствиям для должностного лица является равнозначной отзыву. Удаление в отставку предусмотрено только для главы муниципального образования. Его рассматривают как меру ответственности, сопоставимую с отзывом, и как рычаг оперативного решения кадрового вопроса [19]. Эта мера ответственности имеет более широкий перечень оснований, из них только одно является политическим – неудовлетворительная оценка деятельности, данная представительным органом муниципального образования по результатам его ежегодного отчета. Иные основания удаления связаны с противоправными действиями или ненадлежащим исполнением обязанностей и должны подтверждаться решениями соответствующих органов.

Неудовлетворительная оценка деятельности как мера ответственности исключает прямое участие населения, поскольку правом на удаление в отставку обладает только представительный орган. Постановление представительного органа можно рассматривать как решение, принимаемое от имени населения опосредованно, но это основание включает только результаты рассмотрения ежегодного отчета о деятельности. Отчет не может объективно отражать деятельность должностного лица, поскольку существует много факторов, от которых зависит общее состояние дел в муниципальном образовании. К таким факторам будут относиться экономический кризис или подъем в стране, изменение уровня безработицы в регионе, экономическое состояние ведущих в регионе предприятий, финансирование национальных проектов и т. д.

Норма удаления главы в отставку является неоднозначной в силу того, что существуют разные способы избрания главы. Если глава избирается представительным органом из числа депутатов, то данная процедура утрачивает свою значимость, поскольку представительный орган вправе переизбрать главу по собственному усмотрению, без дополнительных процедур. При избрании главы населением удаление от должности ограничивает самостоятельность главы и делает его зависимым от представительства органа [20]. Существенным минусом является вопрос сроков. Данным основанием можно воспользоваться, если на протяжении двух лет представительный орган не удовлетворен результатами работы. Следовательно, представительный орган не может оперативно отреагировать на действия/бездействие главы.

Отзыв можно рассматривать как разновидность ответственности выборного должностного лица перед населением. Согласно части 1 статьи 71 ФЗ «Об общих принципах...» основания наступления ответственности перед населением и процедура ее реализации регулируются уставами муниципальных образований. Концепция федерального закона допускает расширение перечня форм участия населения в решении вопросов местного самоуправления. Однако в уставах муниципальных образований, как правило, содержатся только нормы, отсылающие к федеральному законодательству.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Таким образом, удаление от должности не может заменить отзыв выборного должностного лица. Отзыв является разновидностью ответственности перед населением и формой участия населения в решении вопросов местного значения, поэтому необходима четкая правовая регламентация основания отзыва. Отсутствие иных оснований отзыва кроме решения суда не позволяет в полной мере использовать данный вид ответственности как эффективный способ участия населения в решении вопросов местного значения.

Для реализации отзыва как формы участия населения в решении вопросов местного значения и как меры ответственности необходимо:

- расширить перечень оснований отзыва, включить основания, связанные с политической ответственностью выборных должностных лиц;

- исключить запрет отзыва депутата представительного органа, избранного по политическим спискам.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанова А.А. К вопросу об отзыве главы муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 34–37.
2. Коломиец Д.И. Депутат как субъект административной ответственности // Конституционная и административная реформы в России: проблемы и перспективы. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 149–155.
3. Алехичева А.В. Правовое регулирование института отзыва депутата, должностного лица // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 144–148.
4. Дубровский О.Н. Пробелы в законодательстве о местном самоуправлении (на примере Республики Тыва) // Государственная служба. 2010. № 2. С. 102–104.
5. Дубровский О.Н. Недостатки правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 76–82.
6. Мурашин А.Г. Выборы и отзыв как акты прямого народовластия // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 140–146.
7. Николаенко И.А. Демократический институт отзыва депутатов представительных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления в современной России: проблемы и аспекты совершенствования // Право и практика, научные труды института Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Кирове. 2017. № 2. С. 45–47.
8. Кренц С.В. Правовые проблемы ответственности органов местного самоуправления перед населением // Эпомен. 2018. № 20. С. 103–106.
9. Реброва Т.П., Алямкин С.Н. Отзыв выборных лиц органов местного самоуправления как институт непосредственной демократии и мера ответственности должностных лиц // Мир науки и образования. 2015. № 3. С. 14–23.
10. Чашин В.Л. Муниципально-правовая ответственность как элемент народовластия: теория и практика // Юридическая мысль. 2015. № 1. С. 81–83.
11. Жегалова А.А. Институт отзыва выборных должностных лиц местного самоуправления: проблема реализации // Сфера знаний: структурные преобразования и перспективные направления развития научной мысли. Казань: СитИвент, 2018. С. 90–95.
12. Анренко О.В., Арлычев А.Н., Гревнев В.М., Гусаренко В.В., Иванов В.И., Колмаков В.Ю., Комова Н.В., Круглова И.Н., Ляшенко Ю.А., Науменкова К.В., Степанова О.С., Трашкова С.М., Штарк Е.В. Мораль свободы воли // Современный моральный дискурс. Красноярск: ИП Азарова Н.Н., 2015. С. 14–24.
13. Сергеев Д.Б. Выборы и отзыв депутатов и избранных должностных лиц на весах российского конституционного правосудия // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1. С. 48–51.
14. Митрохина Я.А. Понятие и сущность отзыва выборных лиц местного самоуправления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2. С. 140–142.
15. Червонюк В.И. Институт отзыва публичных должностных лиц местного самоуправления // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 181–188.
16. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в Российской Федерации: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 127–143.

17. Наумкина В.В. Муниципальное право России. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2006. 136 с.
18. Митрохина Я.А. Муниципальная ответственность в России и зарубежных странах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 85–90.
19. Фролов Н.Л. Институт отзыва депутатов и главы муниципального образования как форма реализации муниципально-правовой ответственности // Общество и право. 2011. № 5. С. 70–74.
20. Астафичев П.А. Удаление главы муниципального образования в отставку как институт муниципально-го права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 35–38.
10. Chashin V.L. Municipal liability as an element of democracy: theory and practice. *Yuridicheskaya mysl*, 2015, no. 1, pp. 81–83.
11. Zhegalova A.A. The institute of recall of elected officials of local self-government: the issues of implementation. *Sfera znaniy: strukturnye preobrazovaniya i perspektivnye napravleniya razvitiya nauchnoy mysli*. Kazan, SitIvent Publ., 2018, pp. 90–95.
12. Anrenko O.V., Arlychev A.N., Grevnev V.M., Gusarenko V.V., Ivanov V.I., Kolmakov V.Yu., Komova N.V., Kruglova I.N., Lyashenko Yu.A., Naumenkova K.V., Stepanova O.S., Trashkova S.M., Shtark E.V. Moral free will. *Sovremennyy moralnyy diskurs*. Krasnoyarsk, IP Azarova N.N. Publ., 2015, pp. 14–24.
13. Sergeev D.B. Elections and recall of deputies and elected officials on the scales of Russian constitutional justice. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2019, no. 1, pp. 48–51.
14. Mitrokhina Ya.A. Notion and essence of recall of local government elected officials. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 1-2, pp. 140–142.
15. Chervonyuk V.I. Institute for the Removal of Public Officials of Local Self-Government. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2017, no. 2, pp. 181–188.
16. Kondrashev A.A. Constitutional legal amenability of the legislature deputy (the representative body of the local authority) in the RF: the basics of the classification and the problems of practical realization. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 127–143.
17. Naumkina V.V. *Munitsipalnoe pravo Rossii* [Municipal law of Russia]. Abakan, KhGU im. N.F. Katanova Publ., 2006. 136 p.
18. Mitrokhina Ya.A. Municipal responsibility in Russia and foreign countries. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 85–90.
19. Frolov N.L. The institute of recall of deputies and the head of municipal entity as a form of implementation of municipal-legal responsibility. *Obshchestvo i pravo*, 2011, no. 5, pp. 70–74.
20. Astafichev P.A. Removal of the head of municipality in resignation as institute of the municipal law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 3, pp. 35–38.

REFERENCES

1. Stepanova A.A. To the matter of the recall of the head of municipal entity. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2006, no. 8, pp. 34–37.
2. Kolomiets D.I. Deputy as a subject of administrative liability. *Konstitutsionnaya i administrativnaya reformy v Rossii: problemy i perspektivy*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2016, pp. 149–155.
3. Alekhicheva A.V. The legal regulation of the recall of a deputy, an official. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2006, no. 8, pp. 144–148.
4. Dubrovskiy O.N. Loopholes in the local government legislation (case study: Republic of Tyva). *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2010, no. 2, pp. 102–104.
5. Dubrovskiy O.N. Disadvantages of legal regulation of local government in the Russian Federation. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1 Sotsialnye i gumanitarnye nauki*, 2016, no. 1, pp. 76–82.
6. Murashin A.G. Elections and recall as the acts of direct sovereignty. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 1999, no. 10, pp. 140–146.
7. Nikolaenko I.A. Democratic Institute of Recall of Deputies of Representative Bodies and Elected Officials of Local Government in Modern Russia: Problems and Aspects of Improvement. *Pravo i praktika, nauchnye trudy instituta Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii im. O.E. Kutafina v g. Kirove*, 2017, no. 2, pp. 45–47.
8. Krents S.V. Legal Issues of Public Responsibility of the Local Governments. *Epomen*, 2018, no. 20, pp. 103–106.
9. Rebrova T.P., Alyamkin S.N. Legal regulation of the institute of recall elected officials local government

THE RECALL OF AN ELECTED OFFICIAL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

© 2019

V.V. Naumkina, Doctor of Sciences (Law),
professor of Chair of Public Law, Director of Institute of History and Law
N.F. Katanov Khakass State University, Abakan (Russia)

Keywords: head of municipal entity; local self-government; local government authorities; elected official of municipal entity; responsibility; recall.

Abstract: The urgency of the research is caused by the imperfection of federal legislation regarding local self-government. The paper reviews the recall of an elected official of local self-government as a type of responsibility of an official and a form of public participation in the decision on the matters of local significance. The possibility to influence administrative matters in a municipal entity is the basic idea of local self-government implementation. The absence of mechanisms of influence on the elected officials or the imperfection of such mechanisms reduces the possibilities of civil society and makes public participation fragmentary. The recall as an evaluation category provides a feedback with public. The aim of the paper is the analysis of the reasons and legal nature of the recall of an elected official. The legal regulation of the recall has the polemical character and has a number of deficiencies. The reasons for application of the recall of an elected official and the existing procedure do not allow making a definite conclusion about the nature of the recall as a type of responsibility of an elected official. The paper analyzes the recall in comparison with the impeachment of an official. The restricted approach of the legislator limits the use of this form of public participation in the decision on the matters of local significance by the local community. This generally reduces the possibilities of public influence on the activity of the officials. In practice, the imperfection of the legislation does not allow the population to recall an official who is not able to deal with the administrative matters or makes decisions not meeting the interests of local community. It is necessary to change the concept of the recall of an official. The paper formulates the proposals on the changes to legislation.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

© 2019

П.Н. Ткачук, студент*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: государственный контроль и надзор; защита прав; санкции за административное правонарушение; доказательство административного правонарушения; привлечение к административной ответственности; обжалование постановления; компенсация ущерба.

Аннотация: В настоящее время государственный контроль и надзор за деятельностью хозяйствующих субъектов является фактором, мешающим развитию частного бизнеса, что отмечают многие руководители и владельцы фирм. Особенно тяжело переносят многочисленные государственные проверки организации малого бизнеса. В литературе тема защиты прав хозяйствующих субъектов при проведении проверок государственными органами разработана недостаточно.

Работа посвящена теме защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора за их деятельностью. Кратко рассмотрены положительные и отрицательные свойства, присущие государственному контролю и надзору за работой хозяйствующих субъектов, проанализированы нормативно-правовые акты, в соответствии с которыми осуществляется государственный контроль и надзор, имеющиеся в литературе сведения по защите прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора и выработаны конкретные рекомендации, в соответствии с которыми хозяйствующим субъектам следует защищать свои права при осуществлении государственного контроля и надзора. Сформулированы рекомендации по реформированию действующего в этой сфере законодательства.

В качестве мер совершенствования законодательства в сфере государственного контроля и надзора предлагается уменьшение уровня административного давления на хозяйствующие субъекты, а также подробная законодательная регламентация мероприятий государственного контроля и надзора. При этом следует учитывать, что при осуществлении мероприятий государственного контроля и надзора хозяйствующие субъекты являются слабой стороной, в отношении которой возможен произвол со стороны государственных органов.

Наиболее эффективным способом защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора представляется судебное обжалование незаконных решений и действий органов государственного контроля и надзора.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время государственный контроль и надзор за деятельностью хозяйствующих субъектов является фактором, сдерживающим развитие частного бизнеса, особенно мелкого и среднего бизнеса. Хозяйствующие субъекты подвергаются большому количеству проверок, по результатам которых на организации и их должностных лиц могут быть наложены санкции. При этом требования должностных лиц, проводящих государственный контроль и надзор, не всегда обоснованы, а при проведении конкретных мероприятий государственного контроля и надзора возможны нарушения. Это обуславливает необходимость проработки вопросов, связанных с защитой прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора.

В последнее десятилетие динамика развития малых и средних хозяйствующих субъектов в Российской Федерации (РФ) является отрицательной. Доля малых и средних хозяйствующих субъектов в обороте хозяйствующих субъектов по экономике в целом поступательно снижается [1]. Одной из причин этого является чрезмерное давление на хозяйствующие субъекты в рамках осуществления государственного контроля и надзора [2; 3]. В РФ исторически во все времена были широко распространены взяточничество и коррупция, что проявляется и в современной действительности.

Эффективность должна быть главным фактором, определяющим применяемые методы и формы работы в сфере государственного контроля и надзора. От этого

зависит благосостояние страны. Работу по осуществлению государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов можно считать эффективной только в том случае, если в процессе государственного контроля и надзора соблюдаются интересы как хозяйствующих субъектов, так и государства [4–6].

Цель исследования – формулировка конкретных рекомендаций по эффективной защите прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора, а также рекомендаций по совершенствованию законодательства в сфере государственного контроля и надзора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Законодательство в области государственного контроля и надзора относится к отрасли административного права. В систему источников административного права в РФ входят Конституция РФ, федеральные законы (ФЗ) и иные законы, подзаконные нормативно-правовые акты РФ, нормативно-правовые акты субъектов РФ и нормативно-правовые акты местного самоуправления. Низшую ступень в иерархии нормативно-правовых актов административного права занимают локальные нормативно-правовые акты, которые принимаются как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных организаций. Среди источников административного права следует выделить административные процедуры и административные регламенты. Справедливое и эффективное осуществление деятельности органами исполнительной власти невозможно без

административных процедур – это юридическая форма осуществления государственного управления органами исполнительной власти [2]. В системе источников административного права иерархия не является абсолютно жесткой. Это значит, что существует определенная автономия нижестоящих уровней относительно вышестоящих.

В РФ применяются такие формы государственного контроля и надзора, как обследование, наблюдение, учет, инспектирование, проверка, надзор, ревизия, аудит. Каждая из этих форм государственного контроля и надзора имеет свои особенности, которые четко проявляются при осуществлении различных мероприятий государственного контроля и надзора. По результатам государственного контроля и надзора могут быть наложены административные штрафы и другие санкции в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП РФ). В РФ государственный контроль и надзор за деятельностью хозяйствующих субъектов осуществляют федеральные службы как один из видов федеральных органов исполнительной власти.

Для обеспечения законности проведения государственного контроля и надзора в отношении хозяйствующих субъектов необходимо совершенствовать законодательство в области государственного контроля и надзора. Необходимо предоставить гарантии юридической защиты прав при проведении государственного контроля и надзора хозяйствующим субъектам в той же мере, что и лицам, привлекаемым к уголовной ответственности. Административные штрафы за административные правонарушения, выявленные в ходе государственного контроля и надзора, могут достигать катастрофических размеров для большого количества хозяйствующих субъектов, особенно в сфере малого бизнеса.

Поскольку штрафы за административные правонарушения для хозяйствующих субъектов могут достигать размеров, сопоставимых с размером штрафа за уголовное преступление физических лиц, то и процедура привлечения хозяйствующих субъектов к ответственности не должна заметно отличаться от уголовного процесса и не должна уступать уголовному процессу по количеству предоставляемых процессуальных гарантий и качеству выяснения всех подлежащих доказыванию вопросов. Иначе возможно привлечение к ответственности невиновных.

До сих пор отсутствуют единый перечень доказательств фактов совершения административных правонарушений и унифицированные процедуры доказывания совершения административных правонарушений, выявленных в ходе государственного контроля и надзора. При этом КоАП РФ допускает использование в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях результатов государственного контроля и надзора. Таким образом, для привлечения хозяйствующих субъектов к ответственности за административные правонарушения, выявленные в ходе государственного контроля и надзора, в качестве доказательства используются материалы, полученные без соблюдения соответствующих процессуальных требований.

Кроме того, в РФ по-прежнему существует тенденция к усилению административного давления на хозяй-

ствующие субъекты, причем это происходит в условиях слабо разработанных мер по индивидуализации административной ответственности и низкой эффективности административного принуждения к соблюдению требований действующего законодательства. Усиление административного давления на фоне отсутствия четкой регламентации методов и средств доказывания фактов совершения административных правонарушений неизбежно ведет к злоупотреблениям властью в указанной сфере.

В последние годы в законодательстве РФ появился новый механизм выявления и устранения административных барьеров для хозяйствующих субъектов – экономическая экспертиза действующих нормативно-правовых актов. Суть данного механизма состоит в иницировании общественными объединениями, представляющими интересы хозяйствующих субъектов, процедуры экспертизы и дальнейшего участия в публичных консультациях и оценке нормативно-правовых актов. Представляется целесообразным подвергнуть экономической экспертизе нормативно-правовые акты в сфере государственного контроля и надзора.

Существует правило, согласно которому плановые мероприятия государственного контроля и надзора в отношении одного хозяйствующего субъекта осуществляются не чаще, чем один раз в три года (ст. 9 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ). Кроме плановых мероприятий государственного контроля и надзора могут осуществляться внеплановые мероприятия государственного контроля и надзора по закрытому перечню оснований.

Существует возможность обойти требование того, что плановые мероприятия государственного контроля и надзора в отношении одного хозяйствующего субъекта осуществляются не чаще, чем один раз в три года. В качестве основания для этого используется проверка выполнения выданного ранее предписания об устранении выявленных нарушений действующего законодательства. Многократно выдавая предписания об устранении выявленных нарушений действующего законодательства, а затем, проверяя их выполнение, можно проводить внеплановые мероприятия государственного контроля и надзора без соблюдения законодательно установленных ограничений по срокам и периодичности мероприятий [3].

Учитывая существующие проблемы, следует считать обоснованными четкую регламентацию административно-правового регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, а также законодательное ограничение государственного регулирования работы хозяйствующих субъектов. Тем не менее государственный контроль и надзор имеет и положительные стороны. С точки зрения О.Н. Васильевой и ее соавторов, положительная роль государственного контроля и надзора состоит в том, что он дает возможность добиться безопасности изготовленной продукции и выполнения существующих правил производства [4].

Как справедливо отметил Е.В. Вавилин, одной из тенденций развития права в настоящий момент является ориентация норм права на защиту более слабой стороны правоотношения [5]. При осуществлении

государственного контроля и надзора более слабой стороной является проверяемый хозяйствующий субъект, что необходимо учитывать при реформировании законодательства в области государственного контроля и надзора. Необходимы подробная законодательная регламентация мероприятий государственного контроля и надзора и уменьшение уровня административного давления на хозяйствующие субъекты.

Деятельность органов государственного контроля и надзора регулируется путем принятия административных регламентов. Существуют административные регламенты предоставления государственных услуг и административные регламенты осуществления государственных функций органами исполнительной власти. Органы исполнительной власти обязаны соблюдать административные регламенты, в противном случае их действия следует обжаловать.

В случае прихода должностных лиц органа государственного контроля и надзора руководитель или представитель хозяйствующего субъекта должен правильно себя вести для того, чтобы обеспечить защиту прав своей организации. Обычно контрольное мероприятие начинается с объявления о его проведении и предъявления служебных удостоверений должностными лицами органа государственного контроля и надзора. Следует внимательно изучить служебные удостоверения. Если должностные лица не предоставляют такой возможности, то это является нарушением, поэтому не следует пропускать должностных лиц на территорию хозяйствующего субъекта. У проверяющих должно быть распоряжение на проведение мероприятий государственного контроля и надзора на конкретном хозяйствующем субъекте, подписанное заместителем руководителя или руководителем органа государственного контроля и надзора. Если такое распоряжение отсутствует или в нем указан другой хозяйствующий субъект, такая проверка незаконна [6].

В процессе проведения мероприятий государственного контроля и надзора необходимо зафиксировать все нарушения, которые допустили должностные лица органа государственного контроля и надзора. Для этого можно оформить акт о нарушениях, подтвердить факт которых должны не менее двух человек – свидетелей, либо оформить докладную записку [7]. В частности, при осуществлении государственного контроля и надзора за соблюдением лицензионных условий органы государственного контроля и надзора чаще всего предъявляют незаконные требования и создают административные барьеры для работы хозяйствующих субъектов [8].

В случае выявления административного правонарушения в процессе осуществления государственного контроля и надзора составляется протокол, который одновременно является и доказательством этого административного правонарушения. При этом должностные лица, составляющие протокол, обязаны строго соблюдать правила его составления. Важно, чтобы протокол был составлен в присутствии должностных лиц хозяйствующего субъекта. Протокол, а также постановление о привлечении к административной ответственности должны иметь следующие реквизиты:

– фамилия, инициалы и должность лица, составившего протокол;

- место и дата составления протокола;
- адреса, фамилии, имена и отчества потерпевших и свидетелей, если они были;
- информация о хозяйствующем субъекте, против которого составлен протокол;
- информация о событии административного правонарушения, время и место его совершения;
- показания должностных лиц хозяйствующего субъекта относительно факта административного правонарушения;
- статья закона, по которому предусмотрена административная ответственность за указанное административное правонарушение;
- другая необходимая информация [9].

Представителю хозяйствующего субъекта в обязательном порядке разъясняются его права и обязанности, о чем в протоколе должна быть сделана соответствующая запись. Несоблюдение указанных требований к оформлению протокола может привести к тому, что суд признает его недействительным [9]. При осуществлении государственного контроля и надзора доказательства собираются должностными лицами органов государственного контроля и надзора через инициирование процессуальных действий. При этом руководитель или представитель хозяйствующего субъекта могут получать краткие консультации от юриста, задавать вопросы опрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу полноты и правильности записей в протоколе, составленном по результатам проведения мероприятия государственного контроля и надзора [10].

Закон не запрещает осуществление защиты прав хозяйствующего субъекта лицом, не имеющим высшего юридического образования, например руководителем или другим должностным лицом хозяйствующего субъекта. Вместе с тем весьма целесообразно привлекать к защите прав хозяйствующих субъектов квалифицированных юристов. Участие квалифицированного юриста в процессуальных действиях в ходе государственного контроля и надзора дает ему возможность непосредственно изучить доказательства, получаемые в результате проведения мероприятий государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов, оценить их допустимость, относимость и достоверность [10].

В ст. 17 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (КАС РФ) имеется указание, что дела о защите законных интересов, свобод и прав, источником которых являются административные правоотношения, не подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции и Верховным Судом РФ, если эти дела отнесены к компетенции арбитражных судов [11]. Заявление о привлечении хозяйствующего субъекта к административной ответственности подается в арбитражный суд в соответствии со ст. 203 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (АПК РФ). Информация, которая должна быть в заявлении о привлечении хозяйствующего субъекта к административной ответственности, указана в ст. 204 АПК РФ. В наименовании заявления указывается требование о привлечении хозяйствующего субъекта к административной ответственности, а в тексте заявления указываются обнаруженные в процессе проведения мероприятий государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующего субъекта признаки

административного правонарушения в соответствии с конкретным нормативным правовым актом [12].

При оспаривании решений о привлечении к административной ответственности заявление в арбитражный суд должно быть направлено в течение 10 дней с момента получения копии документа о привлечении к административной ответственности. Арбитражный суд рассматривает дела об оспаривании решений административных органов в течение 10 дней со дня поступления заявления в арбитражный суд. В таком заявлении следует указать требование о признании решения административного органа незаконным и об отмене этого решения. Данное заявление направляется в арбитражный суд по месту нахождения хозяйствующего субъекта в течение 10 дней со дня получения копии решения (постановления) об административном взыскании. Арбитражный суд по ходатайству хозяйствующего субъекта может приостановить исполнение решения об административном взыскании, которое оспаривается. Заявление об оспаривании решений о привлечении к административной ответственности не облагается государственной пошлиной [9]. При рассмотрении дела арбитражный суд изучает доказательства виновности хозяйствующего субъекта в административном правонарушении и принимает решение по делу, которое тоже можно оспорить.

В арбитражном процессе каждое лицо, участвующее в деле, обязано само доказывать обоснованность своих требований. Вместе с тем следует отметить, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях по результатам проведения мероприятий государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов, обязанность по доказыванию виновности хозяйствующих субъектов и их должностных лиц в совершении административных правонарушений возлагается на должностных лиц органов государственного контроля и надзора [13]. В случае оспаривания решения о привлечении к административной ответственности орган, который привлек хозяйствующий субъект к административной ответственности, должен будет доказать законность привлечения хозяйствующего субъекта и его должностных лиц к административной ответственности.

Важнейшее значение для доказывания виновности в совершении административного правонарушения имеют документы. Документ как доказательство – это информация, целенаправленно зафиксированная на каком-либо материальном носителе: на бумаге, в виде компьютерного файла и т. д. При этом документ должен обладать реквизитами, дающими возможность его идентифицировать, а форма документа должна давать возможность ознакомиться с информацией, которая в нем содержится. Кроме того, информация, которую содержит документ, должна иметь значение для дела [14].

В хозяйствующем субъекте всегда должны быть документы, подтверждающие правомерность его деятельности. Следует оформлять и хранить приказы, счета, договоры, другие документы, которые могут подтвердить законность работы хозяйствующего субъекта [15]. Существует рекомендация, что грамотно составленные юридические документы должны не только содержать сухую правовую информацию, но и выражать определенные эмоции. Такой документ должен содержать об-

ращение к эмоциям лица, которое будет принимать решение на основе этого документа. В частности, следует обратить внимание лица, принимающего решение, на то, что требования, изложенные в документе, являются законными и обоснованными [16].

Для хозяйствующих субъектов, особенно коммерческих, большое значение имеет такой вид государственного контроля и надзора, как налоговый контроль, так как по результатам налогового контроля возможно наложение штрафа и доначисление сумм налогов. Налоговый контроль проводится в форме камеральных и выездных налоговых проверок. В ходе камеральных налоговых проверок определяются хозяйствующие субъекты, подлежащие выездным налоговым проверкам [17]. Документы, подаваемые в налоговые органы и проходящие там камеральную налоговую проверку, должны быть правильно составлены и содержать верные сведения, иначе должностными лицами налоговых органов будет принято решение о проведении выездной налоговой проверки. Для того чтобы плательщики налогов не получали необоснованную налоговую выгоду, налоговые органы при оценке законности сделок, заключенных хозяйствующими субъектами, применяют четыре доктрины: доктрину деловой цели, доктрину преимущества существа над формой, доктрину осторожности и осмотрительности при заключении сделок и доктрину фиктивных сделок [18].

Существует возможность отстаивать права хозяйствующих субъектов, нарушенные в ходе проведения государственного контроля и надзора, в том числе в Европейском суде по правам человека, на основе Конвенции по правам человека. При этом хозяйствующий субъект может рассчитывать на компенсацию морального вреда.

Для осуществления защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора следует знать и понимать, какие дефекты существуют у документов, имеющих отношение к государственному контролю и надзору. Дефекты документов бывают: умышленные и неумышленные; устранимые и неустраиваемые; правомерные и противоправные; влекущие за собой юридическую ответственность и не влекущие юридическую ответственность; дефекты содержания и дефекты формы; дефекты документов, созданных и принятых единолично, и документов, созданных и принятых коллегиально [19].

В случае если незаконные действия органов государственного контроля и надзора при осуществлении контрольных мероприятий нанесли ущерб хозяйствующему субъекту, суд обяжет нарушителя компенсировать нанесенный ущерб. Для мотивации нарушителя к своевременному исполнению судебного решения хозяйствующий субъект может направить в арбитражный суд ходатайство о назначении астрента [20].

Таким образом, эффективная защита прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора возможна.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наиболее эффективным и действенным способом защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора за их деятельностью является судебное обжалование решений и действий государственных органов и должностных

лиц, осуществляющих государственный контроль и надзор. Суд является независимым органом, который в своей деятельности преследует цель строго соблюдать действующее законодательство и не зависит от ведомственных интересов всевозможных федеральных и муниципальных органов и служб, осуществляющих государственный контроль и надзор за деятельностью хозяйствующих субъектов. Для того чтобы иметь возможность отстаивать свою правоту в суде, должностные лица хозяйствующих субъектов должны строго выполнять все требования действующего законодательства, а также собирать и сохранять доказательства того, что должностные лица органов государственного контроля и надзора допустили при осуществлении проверки нарушения действующего законодательства.

В качестве мер совершенствования законодательства в сфере государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов автором статьи предложена разработка специального кодекса, посвященного вопросам государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов. Это должен быть единый документ, в котором были бы описаны все возможные виды государственного контроля и надзора и который заменял бы собой существующие в настоящее время многочисленные разрозненные нормативно-правовые акты по вопросам государственного контроля и надзора.

ВЫВОДЫ

1. Наиболее эффективным способом защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора является судебное обжалование незаконных решений и действий органов и должностных лиц государственного контроля и надзора.

2. Для защиты прав хозяйствующих субъектов при проведении мероприятий государственного контроля и надзора руководителям и владельцам хозяйствующих субъектов необходимо привлекать профессиональных юристов.

3. В качестве мер совершенствования законодательства в сфере государственного контроля и надзора предлагается разработка специального кодекса, посвященного вопросам государственного контроля и надзора за деятельностью хозяйствующих субъектов, который заменял бы собой существующие в настоящее время многочисленные разрозненные нормативно-правовые акты по вопросам государственного контроля и надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н., Боговиз А.В., Выпряхкина И.Б., Выпряхкин Б.С., Гнездова Ю.В., Долженко Л.М., Земляк С.В., Капустина Ю.А., Крамлих О.Ю., Лапшова О.А., Матвеева Е.Е., Науменков А.В., Ростовская Ю.Н., Осипов В.С., Павлова И.В., Рубцова Л.Н., Рагулина Ю.В., Сапожникова С.М., Семченкова С.В., Сергиенко Н.С., Тихонова А.С., Чернявская Ю.А., Чудакова С.А., Шелег Н.С., Шеломенцева М.В. Основы финансового контроля и государственного регулирования. Отраслевой и региональный аспект. М.: Научный консультант, 2017. 330 с.
2. Popov L. Administrative Procedure: Its Problems And Solutions // Kutafin University Law Review. 2017. Vol. 4. № 1. P. 180–199.
3. Жулин А.Б., Кнутов А.В., Минченко О.С., Плаксин С.М., Чаплинский А.В. Знакомьтесь, административные барьеры, или государственное регулирование бизнеса по-русски. М.: Новое издательство, 2014. 159 с.
4. Ручкина Г.Ф., Закупень Т.В., Лапина М.А., Рузакова О.А., Павлов В.П., Демченко М.В., Васильева О.Н., Карпухин Д.В., Григорович Е.В., Дахненко С.С., Кирилин А.В., Ключникова Я.А., Венгерровский Е.Л., Ефимова Н.А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности. М.: Русайнс, 2015. 280 с.
5. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. 416 с.
6. Гусятникова Д.Е. Внезапная проверка в офисе. ОБЭП. Налоговая. СЭС. Пожарная инспекция. Прокуратура. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 145 с.
7. Корнийчук Г.А., Пелишенко А.А. Государственные проверки. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2009. 179 с.
8. Субанова Н.В. Лицензирование предпринимательской деятельности. Правовое регулирование, ответственность, контроль. М.: Статут, 2011. 352 с.
9. Барышева С.Ю. Защита бизнеса при проверках. М.: Эксмо, 2009. 283 с.
10. Нурмаганбет Е.Т. Деятельность адвоката-защитника на предварительном расследовании. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2014. 142 с.
11. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации: постатейный, научно-практический / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 1295 с.
12. Агешкина Н.А., Бирюкова Т.А., Беляев М.А., Вахрушева Ю.Н., Великанов Ю.Н., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Иванишин П.З., Ковалькова Е.Ю., Кожевников О.А., Кухаренко Т.А., Михалева Т.Н., Парфирьев Д.Н., Смоляров М.В., Хлистун Ю.В. Научно-практический комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 904 с.
13. Беланова Г.О., Станкевич Г.В. Доказывания, доказательства и средства доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводствах. М.: Русайнс, 2017. 107 с.
14. Куценко Т.М. Новые виды документов как источники доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Воронеж: Воронежский Государственный Аграрный Университет им. Императора Петра Первого, 2017. 159 с.
15. Пичугин В.Г. Безопасность бизнеса: защита от уголовного преследования. М.: Альпина Паблишер, 2016. 175 с.
16. Zariski A. Legal Literacy: An Introduction to Legal Studies. Edmonton: AU Press, 2014. 220 p.
17. Слободчиков Д.Н. Проблемы повышения эффективности проведения налогового контроля (на примере Камчатского края). М.: Экономическая газета, 2012. 190 с.

18. Sergeev S. Combating Unjustified Tax Benefit in the Russian Federation // *Kutafin University Law Review*. 2016. Vol. 3. № 1. P. 184–196.
19. Соколова М.А. Дефекты юридических документов. М.: Юриспруденция, 2016. 161 с.
20. Ferrari F., Bocharova N. The Astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings // *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3. № 3. P. 8–45.
- REFERENCES**
- Alekseev A.N., Bogoviz A.V., Vypryazhkina I.B., Vypryazhkin B.S., Gnezdova Yu.V., Dolzhenko L.M., Zemlyak S.V., Kapustina Yu.A., Kramlikh O.Yu., Lapshova O.A., Matveeva E.E., Naumenkov A.V., Rostovskaya Yu.N., Osipov V.S., Pavlova I.V., Rubtsova L.N., Ragulina Yu.V., Sapozhnikova S.M., Semchenkova S.V., Sergienko N.S., Tikhonova A.S., Chernyavskaya Yu.A., Chudakova S.A., Sheleg N.S., Shelomentseva M.V. *Osnovy finansovogo kontrolya i gosudarstvennogo regulirovaniya. Otrasevoy i regionalnyy aspect* [The basics of financial control and state regulation. Industrial and regional aspects]. Moscow, Nauchnyy konsultant Publ., 2017. 330 p.
 - Popov L. Administrative Procedure: Its Problems And Solutions. *Kutafin University Law Review*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 180–199.
 - Zhulin A.B., Knutov A.V., Minchenko O.S., Plaksin S.M., Chaplinskiy A.V. *Znakomtes, administrativnye barery, ili gosudarstvennoe regulirovanie biznesa porusski* [Meet the administrative barriers, or government regulation of business in Russia]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2014. 159 p.
 - Ruchkina G.F., Zakupen T.V., Lapina M.A., Ruzakova O.A., Pavlov V.P., Demchenko M.V., Vasileva O.N., Karpukhin D.V., Grigorovich E.V., Dakhnenko S.S., Kirilin A.V., Klyuchnikova Ya.A., Vengerovskiy E.L., Efimova N.A. *Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatelskoy deyatelnosti* [State regulation of entrepreneurial activity]. Moscow, Rusayns Publ., 2015. 280 p.
 - Vavilin E.V. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Execution and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2016. 416 p.
 - Gusyatnikova D.E. *Vnezapnaya proverka v ofise. OBEP. Nalogovaya. SES. Pozharnaya inspektsiya. Prokuratura* [Surprise inspection at the office. The Department for fighting against Economic crimes. Tax Office. Sanitary and Epidemiological Station. Fire Service Inspectorate. Prosecution Service]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 145 p.
 - Korniychuk G.A., Pelishenko A.A. *Gosudarstvennye proverki* [State checks]. Saratov, Ay Pi Er Media Publ., 2009. 179 p.
 - Subanova N.V. *Litsenzirovanie predprinimatelskoy deyatelnosti. Pravovoe regulirovanie, otvetstvennost, kontrol* [Entrepreneurial activity licensing. Legal regulation, responsibility, control]. Moscow, Statut Publ., 2011. 352 p.
 - Barysheva S.Yu. *Zashchita biznesa pri proverkakh* [Business protection during inspections]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 283 p.
 - Nurmaganbet E.T. *Deyatelnost advokata-zashchitnika na predvaritelnom rassledovanii* [The activity of a lawyer-defense attorney in the pre-trial investigation]. Almaty, Kazakhskiy natsionalnyy universitet im. al-Farabi Publ., 2014. 142 p.
 - Yarkova V.V., ed. *Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy, nauchno-prakticheskiy* [Commentary to the Code of Administrative Judicial Procedure of the RF: paragraph-to-paragraph and scientific practical]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1295 p.
 - Ageshkina N.A., Biryukova T.A., Belyaev M.A., Vakhrusheva Yu.N., Velikanov Yu.N., Elizarova N.V., Zakirov R.Yu., Ivanishin P.Z., Kovalkova E.Yu., Kozhevnikov O.A., Kukhareno T.A., Mikhaleva T.N., Parfirev D.N., Smolyarov M.V., Khlistun Yu.V. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Arbitrazhnomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ* [Scientific practical commentary to the Code of Arbitration Procedure of 24.07.2002 No. 95-FZ]. Saratov, Ay Pi Er Media Publ., 2018. 904 p.
 - Belanova G.O., Stankevich G.V. *Dokazyvaniya, dokazatelstva i sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstvakh* [Proof, evidence and evidence of practice in civil and arbitration proceedings]. Moscow, Rusayns Publ., 2017. 107 p.
 - Kutsenko T.M. *Novye vidy dokumentov kak istochniki dokazatelstv v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [New types of documents as the source of evidence in legal proceedings on administrative violations]. Voronezh, Voronezhskiy Gosudarstvennyy Agrarnyy Universitet im. Imperatora Petra Pervogo Publ., 2017. 159 p.
 - Pichugin V.G. *Bezopasnost biznesa: zashchita ot ugovnogo presledovaniya* [Business safety: protection against criminal prosecution]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2016. 175 p.
 - Zariski A. *Legal Literacy: An Introduction to Legal Studies*. Edmonton, AU Press Publ., 2014. 220 p.
 - Slobodchikov D.N. *Problemy povysheniya effektivnosti provedeniya nalogovogo kontrolya (na primere Kamchatskogo kraya)* [The problems of increasing the efficiency of carrying out tax control (on the example of the Kamchatka Territory)]. Moscow, Ekonomicheskaya gazeta Publ., 2012. 190 p.
 - Sergeev S. Combating Unjustified Tax Benefit in the Russian Federation. *Kutafin University Law Review*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 184–196.
 - Sokolova M.A. *Defekty yuridicheskikh dokumentov* [Defects of legal documents]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2016. 161 p.
 - Ferrari F., Bocharova N. The Astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings. *Russian Law Journal*, 2015, vol. 3, no. 3, pp. 8–45.

STATE CONTROL AND SUPERVISION OF ECONOMIC ENTITIES ACTIVITY

© 2019

P.N. Tkachuk, student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: state control and supervision; protection of rights; penalty for administrative violations; administrative violation evidence; imposition of administrative sanctions; appeal of decision; damage compensation.

Abstract: Currently, state control and supervision of economic entities activity is a factor impeding private sector development what is noted by many heads and owners of firms. It is especially difficult to experience numerous state revisions for small business organizations. The topic of protection of rights of economic entities during the auditing by the state authorities is not thoroughly developed.

The paper covers the topic of protection of rights of economic entities when carrying out control and supervision of their activity. The author briefly reviews the advantages and disadvantages of state control and supervision of work of economic entities, analyzes regulatory legal acts in accordance with which state control and supervision are carried out, the existing in literature data on protection of rights of economic entities during state control and supervision, and develops certain recommendations according to which economic entities should protect their rights during state control and supervision. The author formulates the recommendations on the reforming of current legislation in this sphere.

As the measures of improvement of legislation in the sphere of state control and supervision, the author proposes the reduction of the degree of administrative pressure on economic entities and the detailed legislative regulation of actions of state control and supervision. Moreover, one should take into account that when carrying out state control and supervision, the economic entities are the weak party to the relation of which government authorities' abuse is possible.

The most effective method of protection of rights of economic entities when carrying out control and supervision is the judicial appeal of illegal judgments and actions of state control and supervision authorities.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ»
И «СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© 2019

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

М.Ю. Жирова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В.В. Убасев, студент юридического факультета

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; субъекты уголовного процесса; субъективные права; властные полномочия; дискреционные полномочия; императивные полномочия.

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения ключевых понятий уголовного судопроизводства – «субъективные права» и «властные полномочия». Констатируется, что по сегодняшний день отсутствуют легальные определения этих понятий, доктринальные же толкования не решают проблему их многозначности, а следовательно, различного толкования как в теории процессуальной науки, так и в правоприменительной практике. Показывается, что в рамках уголовного судопроизводства в силу господства императивного метода правового регулирования само право любого участника уголовного процесса должно быть предусмотрено законом. В контексте рассматриваемого разграничения понятий авторы обращают внимание на разную правовую природу дискреционных и императивных полномочий. Подчеркивается, что в науке устоялась точка зрения о неразрывности субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей у других субъектов в рамках конкретного правоотношения. Вместе с тем в статье обосновывается вывод, что такая связь применительно к властным субъектам уголовного судопроизводства не является столь очевидной. Такой подход в полной мере справедлив для императивных полномочий, а также для части дискреционных полномочий, но лишь тех, где закон допускает только активный вариант их реализации – через действия, но не бездействие. Исходя из этого, авторы рассматривают властные уголовно-процессуальные полномочия как частный случай субъективных прав, имеющие, однако, ряд существенных специфических черт. В статье также показывается, что понятие «полномочия» по общему правилу нельзя рассматривать как простую совокупность прав и обязанностей, поскольку права и обязанности применительно к властным уполномоченным субъектам зачастую представляют собой единое целое и составляют неразрывную систему.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим элементом любой отрасли права как в теоретическом, так и в практическом смыслах является ее понятийный аппарат [1–3]. Понятия, используемые в правовом регулировании, должны в полной мере отражать специфику тех правоотношений, явлений или действий, для обозначения которых они используются. Отсутствие определения того или иного понятия приводит к неоднозначному его толкованию.

Одними из основополагающих, фундаментальных понятий в юриспруденции и, в частности, уголовном процессе являются термины «субъективное право» [4–6] и «властные полномочия» [7–9]. Однако легальные определения указанных понятий на сегодняшний день отсутствуют.

Авторы ставят перед собой цель сформулировать точное и достаточное определение понятия «властные полномочия», которое отражало бы специфику данного термина, а также разграничить понятия «властные полномочия» и «субъективные права» применительно к специфике уголовно-процессуальных отношений.

Для достижения поставленной цели авторами выполнены следующие задачи: проведен сравнительный анализ предложенных учеными определений исследуемых понятий в рамках исследования отдельных институтов уголовно-процессуального права; проанализированы положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержание которых непосредственно относится к исследуемым понятиям; сформулированы авторские определения понятий «властные

полномочия» и «субъективные уголовно-процессуальные права»; проведен сравнительный анализ данных определений с целью их разграничения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Говоря о понятии субъективного права в целом, некоторые представители юридической науки советского периода, в частности Л.А. Пустобаева, указывали следующее: «Субъективное право есть установленная и обеспеченная законом мера, вид возможного (дозволенного) поведения субъекта права. С содержательной стороны это – мера юридической возможности, т. е. установленная правом сфера социально-правовой активности лица, границы проявления его инициативы, волеизъявления» [10, с. 49]. Еще один представитель советской юридической науки В.И. Ремнев отмечал, что «сущность права гражданина (его субъективного права) заключается в гарантированной возможности совершать определенные действия» [11, с. 26].

Таким образом, подразумевалось, что такая гарантия, так же как и наделение лица собственно субъективным правом, исходит от государства как носителя власти. В этой связи для отрасли уголовно-процессуального права справедливо будет утверждение, что само право лица должно быть предусмотрено законом. Такой вывод с неизбежностью вытекает из императивности уголовно-процессуального метода правового регулирования.

А.Ю. Котин выделяет еще одну немаловажную особенность субъективных прав как юридической категории.

Он отмечает, что «субъективное право не может существовать без корреспондирующих ему обязанностей. Последние помогают устранять препятствия, стоящие на пути удовлетворения интересов, отраженных в субъективных правах» [12, с. 28]. Доказательством этого тезиса служат положения действующего УПК РФ. Так, например, согласно п. 3, 4 ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно. Данные субъективные права свидетеля корреспондируют обязанности должностного лица органа предварительного расследования привлечь к участию в деле переводчика в соответствии с ч. 1 ст. 169 УПК РФ.

Однако, обратившись к ч. 5 ст. 21 УПК РФ, мы увидим не столь однозначную связь. В данной норме говорится о праве прокурора после возбуждения уголовного дела заключить с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Но корреспондирует ли данное право властного субъекта (прокурора) обязанность подозреваемого (обвиняемого) заключить такое соглашение? Представляется, что в данном случае возможно двойное толкование рассматриваемого правоотношения. С одной стороны, реализация прокурором своего субъективного права открывает для подозреваемого (обвиняемого) реальную возможность заключить такое соглашение. Таким образом, в этом случае для подозреваемого (обвиняемого) возникает новое субъективное право, которое до этого предполагалось законом лишь как потенциальное, а теперь может быть им действительно беспрепятственно реализовано. С другой стороны, вполне можно говорить о возникновении у подозреваемого (обвиняемого) обязанности принять решения о заключении или незаключении такого соглашения, и именно прокурор будет являться инициатором возникновения специфического уголовно-процессуального правоотношения как обладатель первичного субъективного права.

Представляется, что любое субъективное право состоит из отдельных частей – правомочий, посредством реализации которых и реализуется само субъективное право. Л.А. Пустобаева утверждает: «Общепризнанно, что главное в субъективном праве – возможность осуществлять собственные положительные действия, т. е. возможность управомоченного самостоятельно избирать пути и способы, проявлять инициативу и при помощи собственных активных действий достигать желаемой цели, удовлетворять свои интересы, потребности, пользоваться социальными благами» [10, с. 49]. Данное правомочие в составе субъективного права автор предлагает считать центральным [10].

Помимо возможности осуществления положительных действий посредством своего волеизъявления следует выделить и иные правомочия, составляющие конструкцию субъективного права. На наш взгляд, справедливо будет выделить следующие правомочия в составе субъективного уголовно-процессуального права: правомочие по реализации субъективного права; правомочие требования определенного поведения (совершения определенных действий) от противостоящего правообладателю субъекта; правомочие защиты интересов субъекта – правообладателя по реализации этого субъективного права (в виде гарантий,

а также ограничений для субъектов, противостоящих правообладателю).

Таким образом, основываясь на анализе вышеизложенных подходов к определению субъективных уголовно-процессуальных прав, авторы предлагают следующее определение: субъективное уголовно-процессуальное право – это предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации возможность субъекта уголовно-процессуальных отношений в рамках своего правового статуса посредством своего волеизъявления совершать определенные действия или воздерживаться от совершения таких действий, требовать совершения действий в интересах правообладателя от должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, требовать от уполномоченных органов защиты своих субъективных уголовно-процессуальных прав всеми предусмотренными законом способами.

Властные уголовно-процессуальные полномочия – конструкция, несомненно, похожая на субъективные уголовно-процессуальные права, более того, являющаяся частным случаем формы существования субъективных прав, но имеющая ряд существенных специфических черт.

Во-первых, необходимо отметить, что в современном уголовном процессе России процессуальные полномочия властных субъектов целесообразно подразделять на два вида: дискреционные полномочия и императивные полномочия. Под дискреционными полномочиями понимаются те из них, которые предполагают определенную автономию воли правоприменителя, однако в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом [13–15]. Так, например, О.М. Ефремова указывает: «Дискреционные полномочия следователя – это право следователя выбрать в пределах имеющихся у него полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, вариант решения, поведения между двумя и более альтернативами, каждая из которых законна, с целью наиболее эффективного, целесообразного применения уголовно-процессуальных норм для достижения задач уголовного судопроизводства в той или иной конкретной ситуации» [16, с. 19].

Даже из данного определения хорошо видно, что дискреционные полномочия являются разновидностью субъективных прав. И если рассматривать как дискреционные полномочия не только те из субъективных прав правоприменителя, которые предусматривают несколько равнозначных вариантов реализации права в виде совершения определенных действий (то есть активного поведения правоприменителя), но и те, которые выражаются в форме воздержания от совершения активных действий, можно утверждать об отсутствии обязанности правоприменителя по активной реализации своих полномочий как обязательного признака рассматриваемой конструкции.

Учитывая данный вывод, авторы признают, что приведенный ранее пример с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 5 ст. 21 УПК РФ) как права прокурора иллюстрирует именно его дискреционные полномочия как частный случай субъективного уголовно-процессуального права. Если же говорить о разграничении этих двух понятий, то, на наш взгляд, основным критерием для этого является принадлежность

права властному субъекту. Так же важна и формальная, строго регламентированная процедура реализации полномочий в рамках правового статуса указанного лица.

Т.А. Степанова отмечает, что в публично-правовых отраслях, науке управления «полномочия рассматриваются как составная часть компетенции и статуса органа, должностного лица, некоторых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодателем, выражающаяся в праве соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным в нормах права. При этом данное право рассматривается одновременно и как обязанность» [17, с. 60]. По нашему мнению, в этом определении полномочий допущена концептуальная ошибка. Она заключается в том, что данное определение справедливо лишь для императивных полномочий, а также части дискреционных полномочий – тех, для которых законом предусмотрен только активный вариант их реализации. Если же говорить о ситуации, когда прокурор, например, не примет решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, своим законным правом он не воспользуется вовсе. Следовательно, обязанность как таковая в содержании этой и подобных ей норм отсутствует. Поэтому рассматриваемое определение, по сути, необоснованно исключает целую категорию уголовно-процессуальных полномочий, а именно тех дискреционных полномочий, которые предполагают возможность отказа от их реализации путем совершения активных действий, т. е. допускают как правомерный вариант поведения бездействие уполномоченного лица.

Отметим, что понятие «полномочия» законодатель не всегда употребляет применительно к субъекту, обладающему каким-либо властным статусом. Например, И.А. Насонова и Т.А. Степанова справедливо указывают, что «термины "полномочия", "уполномочен" используются законодателем главным образом применительно к участникам уголовного судопроизводства, обладающим властным ресурсом (прокурор, орган дознания, дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания и др.). В редких случаях в уголовно-процессуальных нормах говорится о полномочиях других лиц, не обладающих указанным признаком (например, о полномочиях защитника в соответствии со ст. 53 УПК РФ)» [18, с. 111]. Однако из анализа ст. 53 УПК РФ мы видим, что «полномочия» защитника есть не что иное, как его субъективные уголовно-процессуальные права. Те права защитника, которые указаны в п. 1 ст. 53 УПК РФ, не являются одновременно его обязанностями и в категорию императивных полномочий входять никак не могут. Что касается отнесения прав защитника, установленных в п. 1 ст. 53 УПК РФ, к категории дискреционных полномочий, то, на наш взгляд, это также невозможно. Дело в том, что указанные права защитника не имеют властного начала, и так или иначе все они предусматривают необходимый контакт защитника с властными субъектами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда с целью фактической их реализации.

Обратимся к другому аспекту рассматриваемого вопроса. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства А.Я. Климова определяет как «совокупность прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальными нормами, посредством ко-

торых прокурор реализует свои функции..., выражающиеся в проверке законности уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, полноты и обоснованности проведенного расследования, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [19, с. 89]. Таким образом, автор данного определения очевидно трактует понятие «полномочия» как простую совокупность прав и обязанностей, но не как права и обязанности, представляющие собой единое целое и составляющие систему. Данный подход противоречит приведенному выше определению Т.А. Степановой, а также ставит вопрос об отнесении субъективного права и юридической обязанности лица к категории полномочий по единственному критерию – принадлежности права (обязанности) властному субъекту правоприменения.

На наш взгляд, такой подход не является бесспорным. Использование всего лишь одного критерия для разграничения смежных категорий не позволяет в полной мере учесть все возможные аспекты при разграничении рассматриваемых понятий и не решает проблемы, связанной с множественностью вариантов толкования данных терминов и ошибочного отнесения к ним тех категорий, которые, по существу, ничего общего с ними не имеют.

Исходя из этого, авторы статьи не могут в полной мере согласиться с приведенным выше определением А.Я. Климовой и считают, что оно не отражает всю специфику рассматриваемой правовой категории. Тем не менее в качестве одного из критериев для определения понятия властных уголовно-процессуальных полномочий, принадлежность права (но не обязанности) властному субъекту – правоприменителю – использовать вполне целесообразно. В поддержку такого подхода можно привести и тезис Л.Н. Масленниковой, которая отмечает, что «в действующей редакции УПК РФ содержится около 35 упоминаний слова «обязанность», как правило, это касается обязанностей частных лиц и только иногда речь идет об обязанностях государственных органов и должностных лиц» [20, с. 41]. Исходя из этого, мы можем утверждать, что наличие обязанности как меры должного (обязанного) поведения участника правоотношения, обеспеченной возможностью применения государственного принуждения, вне структуры полномочия как единого целого, нехарактерно для властного субъекта – правоприменителя.

О единстве права и обязанности в составе полномочия говорит и Н. Егорова: «Полномочия как правовая категория кроме права характеризуются обязанностью наделенного ими субъекта действовать в предусмотренной законом, иным правовым актом ситуации способом, предусмотренным этими правовыми актами» [21, с. 27]. Авторы вполне разделяют данную позицию, но снова подчеркивают, что критерий соединения прав и обязанностей в едином целом справедлив только для императивных полномочий, а равно той группы дискреционных полномочий, где уполномоченный субъект обязан реализовать полномочия, совершив (на свой выбор) определенные активные действия. Отсюда следует, что наделение лица полномочиями предполагает в дальнейшем совершение им действий в рамках определенного для него законом коридора автономии воли. То есть правоприменитель, обладая определенным полномочием,

обязан реализовать его в определенной ситуации так, как это предписывает закон. Кроме того, реализация полномочия должна происходить определенным образом: дискреционные полномочия реализуются по одному из нескольких «сценариев», предоставленных законодателем на выбор правоприменителю; императивные полномочия дают субъекту – правообладателю – возможность реализовать их лишь строго определенным образом. Кроме того, в последнем случае устанавливается обязанность реализации такого права самим субъектом-правообладателем – уполномоченным лицом.

По итогам исследования рассматриваемых понятий авторы пришли к следующим результатам:

1. Уголовно-процессуальные полномочия являются частным случаем формы существования субъективных уголовно-процессуальных прав.

2. Властные полномочия в уголовном процессе целесообразно разделять на дискреционные полномочия и императивные полномочия, так как в основе определения этих понятий лежат различные совокупности критериев разграничения их со смежными понятиями (в том числе и друг с другом).

3. По мнению авторов исследования, властные дискреционные полномочия в уголовном процессе – это субъективные уголовно-процессуальные права, принадлежащие в соответствии с нормами УПК РФ властному субъекту – правоприменителю (уполномоченному лицу), реализация которых возможна несколькими способами – на усмотрение самого уполномоченного лица.

4. Императивные полномочия – это субъективные уголовно-процессуальные права, принадлежащие согласно нормам УПК РФ властному субъекту – правоприменителю (уполномоченному лицу), которые должны быть реализованы строго определенным образом уполномоченным лицом в предусмотренных законом случаях.

5. Универсальное же понятие властных уголовно-процессуальных полномочий может звучать следующим образом: властные полномочия – это субъективные права властного субъекта – правоприменителя, принадлежащие ему на основании норм уголовно-процессуального закона, являющиеся частью его правового статуса, реализуемые уполномоченным лицом в публичных интересах и гарантии реализации которых обеспечены государственным принуждением.

ВЫВОДЫ

Сравнивая понятия субъективных уголовно-процессуальных прав и властных уголовно-процессуальных полномочий, авторы статьи приходят к следующим выводам:

1. Властные полномочия являются специфической формой существования субъективных прав.

2. Субъективные уголовно-процессуальные права принадлежат всем без исключения субъектам уголовного процесса. Властные полномочия могут принадлежать лишь субъектам, действующим от имени государства и преследующим публичный интерес.

3. Властные полномочия реализуются уполномоченным лицом в публичных (общественных) интересах, в то время как субъективные уголовно-процессуальные права, как правило, реализуются в интересах самого субъекта – правообладателя.

4. Существенная группа властных полномочий в уголовном процессе построена по формуле «право + обязанность», где они составляют единое целое, образуют систему. Однако авторами не ставится вопрос разграничения субъективных прав и властных полномочий в зависимости лишь от данного критерия, потому что он не является универсальным, так как не характерен для группы дискреционных полномочий, в которых присутствует элемент диспозитивности относительно их реализации путем совершения активных действий.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
2. Сильченко Н.В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права // Право и правотворчество: вопросы теории. М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. С. 55–63.
3. Соболев С.А. Значение понятийного аппарата в науке трудового права и трудовом законодательстве России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 6. С. 188–191.
4. Смирнов А.П. Субъективные публичные и субъективные частные права: особенности их защиты // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 109–113.
5. Бекбаев Е.З. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 37–39.
6. Иванов Э.И. Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 182–191.
7. Карпов Е.Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 87–90.
8. Садиокова У.В. Об эффективности дифференциации процессуальных полномочий властных субъектов уголовного судопроизводства и дальнейшем совершенствовании их процессуальных взаимоотношений // Труды Академии управления МВД РФ. 2018. № 3. С. 124–128.
9. Ахматов И.И. Уголовно-процессуальные правоотношения между органами государственной власти и должностными лицами // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 113–118.
10. Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 3. С. 47–54.
11. Ремнев В.И. Право жалобы в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 132 с.
12. Котин А.Ю. Соотношение понятий «субъективное право» и «законные интересы» // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории

- и практики (Серия «Юридические науки»). 2011. № 1. С. 27–30.
13. Тагарова А.Д. Понятие и признаки дискреционных полномочий судей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 110–114.
 14. Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2011. 168 с.
 15. Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и других стран СНГ // Законность. 2017. № 8. С. 21–25.
 16. Ефремова О.М. Понятие, сущность и значение дискреционных полномочий следователя // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 17–20.
 17. Степанова Т.А. О соотношении понятий «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания» // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 60–65.
 18. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе: понятие и классификация // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 111–114.
 19. Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства: понятие и классификация // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3. С. 88–95.
 20. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 38–46.
 21. Егорова Н. Служащий как специальный субъект преступления в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 2. С. 26–28.
 6. Ivanov E.I. The concept of subjective right. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*, 2011, no. 8, pp. 182–191.
 7. Karpov E.N. The ways to find solution the issue about not exact stated legal status of subjects of criminal procedure. *Biznes v zakone*, 2009, no. 4, pp. 87–90.
 8. Sadikova U.V. On the Effectiveness of Differentiating the Procedural Powers of the Authoritative Subjects of Criminal Justice and Further Improvement of Their Procedural Relationships. *Trudy Akademii upravleniya MVD RF*, 2018, no. 3, pp. 124–128.
 9. Akhmatov I.I. Criminally-remedial legal relations between governmental authorities and public officials. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2015, pp. 113–118.
 10. Pustobaeva L.A. On the notion of a subjective law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1984, no. 3, pp. 47–54.
 11. Remnev V.I. *Pravo zhaloby v SSSR* [The right of complaint in the USSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1964. 132 p.
 12. Kotin A.Yu. Meaning correlation “subjective law” and “legal interests”. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (Seriya “Yuridicheskie nauki”)*, 2011, no. 1, pp. 27–30.
 13. Tatarova A.D. The concept and features of discretionary powers of judges. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2014, no. 9, pp. 110–114.
 14. Pronin K.V. *Diskretsionnye polnomochiya suda v ugolovnom sudoproizvodstve* [Discretionary authority of the court in criminal court procedure]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2011. 168 p.
 15. Popova A.V. Discretionary powers of a public prosecutor for conclusion of a pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings in Russia and other CIS states. *Zakonnost*, 2017, no. 8, pp. 21–25.
 16. Efremova O.M. Concept, essence and importance of discretionary powers of the investigator. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 1, pp. 17–20.
 17. Stepanova T.A. On the relationship between the concepts “powers of the chief of inquiry divisions” and “procedural status of the chief of inquiry divisions”. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 4, pp. 60–65.
 18. Nasonova I.A., Stepanova T.A. Powers of the chief divisions of inquiry in the Russian criminal procedure: definition and classification. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 2, pp. 111–114.
 19. Klimova Ya.A. Powers of the prosecutor at the final stage of pretrial proceedings: definition and classification. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 3, pp. 88–95.
 20. Maslennikova L.N. Subjective rights and legal duties – internal factors determining trends in the development of criminal justice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2018, no. 2, pp. 38–46.
 21. Egorova N. An official as a special crime committer in the criminal law of Russia. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 2, pp. 26–28.

REFERENCES

1. Vasilev A.M. *Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal categories: methodological aspects of development of the system of categories of legal theory]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 264 p.
2. Silchenko N.V. The role and place of the concept “typology” in the conceptual framework of general theory of law and state. *Pravo i pravotvorchestvo: voprosy teorii*. Moscow, Institut gosudarstva i prava AN SSSR Publ., 1982, pp. 55–63.
3. Sobolev S.A. Importance of conceptual apparatus in labor science and labor legislation of Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2015, vol. 25, no. 6, pp. 188–191.
4. Smirnov A.P. Subjective public and subjective private rights: specific features of their protection. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 6, pp. 109–113.
5. Bekbaev E.Z. Subjective rights and legal obligation in the mechanism of legal regulation. *Biznes v zakone*, 2011, no. 3, pp. 37–39.

**ON THE QUESTION OF CORRELATION OF THE CONCEPTS “AUTHORITATIVE POWERS”
AND “LEGAL RIGHTS” IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE**

© 2019

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair “Criminal Law and Procedure”

M.Yu. Zhirova, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

V.V. Ubasev, student, Faculty of Law

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings parties; legal rights; authoritative powers; discretionary powers; mandatory powers.

Abstract: The paper deals with the problem of correlation of key concepts of criminal procedure – “legal rights” and “authoritative powers”. The authors establish that today, the legal definitions of these concepts are missing and the doctrinal interpretations do not solve the problem of their ambiguity and consequently the problem of different interpretation both in the procedural science theory and in legal precedents. It is shown that in the frame of criminal procedure, the right of any party to the criminal process should be legally provided due to the domination of the mandatory method of legal regulation. In the context of distinction of the concepts under consideration, the authors give attention to the different legal natures of the discretionary and mandatory powers. The authors emphasize that in science, the conventional point of view about the inseparability of legal rights and corresponding obligations of other parties within a certain legal relationship exists. However, the paper justifies the conclusion that such relation in respect to the criminal procedure authorities is not so evident. Such an approach is exactly valid for the mandatory powers and for the part of discretionary powers but for those where the law allows the active variant of their implementation only – through the actions but not nonperformance. Reasoning from this fact, the authors consider the authoritative criminal-procedural powers as a particular case of legal rights having, however, a number of essential peculiar features. The paper shows as well that, according to the general rule, it is prohibited to consider the concept “powers” as an ordinary collection of rights and obligations because the rights and obligations in respect of authoritative empowered parties are often an integral whole and compose a continuous system.

НАШИ АВТОРЫ

Акопян Ануш Вагановна, аспирант.

Адрес: Российско-Армянский Университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

Тел.: (+37494) 12-06-38

E-mail: anush.hakobyan@rau.am

Александров Илья Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (848) 253-93-95

E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Дюк Кристина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Жинова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 917 019-17-69

E-mail: zhirova@ab63.ru

Капитонова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право».

Адрес: Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тел.: (8412) 36-80-45

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Липина Ольга Олеговна главный специалист-эксперт Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия, ассистент кафедры гражданского права и процесса.

Адрес: Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90.

Тел.: 8 961 899-22-88

E-mail: matuol_888@mail.ru

Моисеев Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: ur63@yandex.ru

Наумкина Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права, директор института истории и права.

Адрес: Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90.

Тел.: (3902) 22-62-36

E-mail: naumkina_vv@khsu.ru

Остроухова Валентина Александровна, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: ostroukhova85@list.ru

Ткачук Павел Николаевич, студент.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 908 160-37-11

E-mail: w332010@yandex.ru

Убасев Виктор Владимирович, студент 4-го курса юридического факультета.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тел.: +7 937 216-08-29

E-mail: ubasev.v@mail.ru

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 917 154-99-31

E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Aleksandrov Ilya Andreevich, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (848) 253-93-95
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Dyuk Kristina Ivanovna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Hakobyan Anush Vaganovna, postgraduate student.
Address: Russian-Armenian University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: (+37494) 12-06-38
E-mail: anush.hakobyan@rau.am

Kapitonova Elena Anatolyevna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law”.
Address: Penza State University, 440026, Russia, Penza, Krasnaya Street, 40.
Tel.: (8412) 36-80-45
E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Lipina Olga Olegovna, chief specialist-expert of the Office of the Federal Antimonopoly service of the Republic of Khakassia, assistant of Chair of Civil Law and Procedure.
Address: N.F. Katanov Khakass State University, 655017, Russia, the Republic of Khakassia, Abakan, Lenin Street, 90.
Tel.: 8 961 899-22-88
E-mail: matuol_888@mail.ru

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: ur63@yandex.ru

Naumkina Valentina Vladimirovna, Doctor of Sciences (Law), professor of Chair of Public Law, Director of Institute of History and Law.
Address: N.F. Katanov Khakass State University, 655017, Russia, Abakan, Lenin Street, 90.
Tel.: (3902) 22-62-36
E-mail: naumkina_vv@khsu.ru

Ostroukhova Valentina Aleksandrovna, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: ostrouxova85@list.ru

Tkachuk Pavel Nikolaevich, student.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 908 160 37 11
E-mail: w332010@yandex.ru

Ubasev Viktor Vladimirovich, 4-year student, Faculty of Law.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoe shosse, 34.
Tel.: +7 937 216-08-29
E-mail: ubasev.v@mail.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 917 154-99-31
E-mail: svyunoshev@gmail.com

Zhirova Marina Yurievna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 917 019-17-69
E-mail: zhirova@ab63.ru